

ИЗЪ ДНЕВНИКА СТАРАГО КАВКАЗЦА.

Аулъ Эрпели. 20-го ноября 1869 года.

Послѣ шести съ половиною мѣсячной стоянки въ лагерѣ, на всевозможныхъ позиціяхъ, пасъ, 21-го октября, послали на зимнія квартиры въ аулъ Эрпели.

Аулъ этотъ находится въ двѣнадцати верстахъ отъ областного города Темиръ-Ханъ-Шуры. Жители его не отличаются отъ жителей остальныхъ ауловъ Дагестана: живутъ также въ холодныхъ сакляхъ, ходятъ перьями, но всегда при оружіи, и не совсѣмъ долюбиваютъ нашего брата за то, что мы, живя въ ихъ сакляхъ, стѣсняемъ тѣмъ немало хозяевъ.

Насъ, въ двухъ ротахъ, четыре офицера; по роты разбросаны по разнымъ концамъ аула, и мы, живя при своихъ частяхъ, видимся очень рѣдко. Причипа та, что добратся до товарища стоитъ немалого труда. Нужно пройти или оврагъ, или кладбище, по узкимъ грязнымъ улицамъ, патыкаться на ямы, па собакъ или на колючій заборъ, а потому большую часть времени или занимаешься въ ротѣ, или проводишь за чтеніемъ.

Однажды я отправился въ роту и началъ приводить въ порядокъ ротную бібліотеку. Въ ней было до 300 книгъ. Были и учебники, и повѣсти Погоскаго, и всѣ уставы, былъ и «Военный Сборникъ» за 1866 годъ, случайно подаренный офицерами.

Разрѣзавъ книгу и подбирая статьи «Военнаго Сборника» одну къ другой, чтобы составить отдѣльныя книжки и изяснить все то, что непонятно нашему солдату, я, въ № 4-мъ, на страницѣ 343, нашелъ статью: о «Сугратлинской переправѣ».

Не знаю, какимъ образомъ ускользнулъ отъ меня этотъ номеръ, и я не прочелъ статьи своевременно. Но она и теперь крѣпко меня заинтересовала. Заинтересовала такъ, какъ заинтересовало бы

пожилую дѣву описаніе бала, гдѣ она участвовала въ молодости и была замѣчена.

Причина та, что я участвовалъ въ этой экспедиціи, и хотя не былъ особенно замѣченъ, по за то отмѣченъ легкою контузіею. Впрочемъ, за эту экспедицію я былъ награжденъ чиномъ подпоручика.

Съ книжкою «Военнаго Сборника» побрелъ я въ свою холодную саклю. Приказалъ затопить каминъ, который одну сторону тѣла грѣетъ, въ то время, какъ противоположная сторона замерзаетъ, потому что сакли такъ устроены, что со всѣхъ сторонъ дуетъ вѣтеръ и теплота не можетъ держаться, а выходить вся чрезъ дурино-устроенный потолокъ.

Вотъ, въ такой-то квартирѣ, сидя предъ каминномъ, въ папахѣ и въ шубѣ, при зажженной лампѣ, сталъ я читать такъ заинтересовавшую меня статью.

Окончивъ чтеніе, я всталъ и, припоминая бывшее, ходилъ взадъ и впередъ по саклѣ. Больно мнѣ стало, что о трудахъ и о подвигахъ нашихъ пишутъ такъ мало, а о нѣкоторыхъ даже вовсе не упоминаютъ. Взявъ свой дневникъ, я прочелъ въ немъ мѣсто, относящееся до сугратлинской переправы, въ которой я участвовалъ, и, сравнивъ съ прочитанною статью, нашелъ, кромѣ неполноты, много невѣрностей.

Обстоятельство это заставило меня рѣшиться въ первый разъ взяться за перо и выписать изъ дневника своего походъ въ Аварію въ 1859 году.

Прося извиненія за литературные недостатки моей статьи, я даю слово писать одну сухую правду. Что мой дневникъ не будетъ врать, въ доказательство могу сказать, что я, пропеходя изъ породы аккуратныхъ нѣмцевъ, весь походъ носилъ въ кармапѣ записную книжку, въ которой карандашемъ записывалъ происшествіе тотчасъ, не откладывая на-завтра, а потому невѣрностей въ ней и быть не можетъ.

Правда, будучи въ чинѣ прапорщика, я не зналъ распоряженій и плановъ высшаго начальства, но для чего опи мнѣ? Я буду писать то, что дѣлалъ самъ и что видѣлъ, какъ дѣлали мои товарищи и начальники, съ одной стороны, и непріятель съ другой, и, наконецъ, что говорилось: а это мнѣ, кажется, самое главное.

Итакъ, пачну съ описанія того, что мы дѣлали въ лагеряхъ до сбора отряда, а потомъ перейду къ сбору войскъ и запятію сугратлинской переправы. Затѣмъ, ежели позволитъ время, опишу походъ

въ Аварію, взятіе Гуніба и роспускъ отряда по штабъ-квартирамъ.

Лагерь на Ибрагимъ-Дада. Іюль 1859 года.

Гора Ибрагимъ-Дада находится въ Салатавіи, въ 40 верстахъ отъ города Темиръ-Ханъ-Шуры и на половинѣ дороги между укрѣпленіями Евгеніевскимъ и Буртунаемъ.

На этой горѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1859 года, стояли двѣ роты 82-го пѣхотнаго Дагестанскаго полка, 17-я и 5-я стрѣлковая, подъ командою капитана Квишинскаго. Въ этихъ ротахъ состоялъ тогда и я.

Назначеніе наше было: содержать пикетъ на Ибрагимъ-Дадѣ и конвоировать почту въ Евгеніевское и въ Буртунай. Намъ, младшихъ офицеровъ, въ этихъ двухъ ротахъ было трое, а потому на службу приходилось ходить чуть не ежедневно. Бывало, какъ выйдешь на вершину горы, то сидишь на ней отъ утренней до вечерней зори. Видъ, дѣйствительно, богатый! Все какъ на ладони: горы, поросшія густой травой; на нихъ, правда, не видно деревьевъ, но за то въ широкихъ и въ крутыхъ оврагахъ растутъ столѣтній дубъ и чинаръ; дорога въ Буртунай вьется, чрезъ гору, черною полосою, а по ней тянутся туда и обратно тысячи аровъ и чарводарскихъ коней и ословъ, перевозившихъ въ отрядъ провіантъ и снаряды.

Въ хорошую погоду сидѣть еще не такъ скучно: читаешь, пишешь дневникъ и день пройдетъ незамѣтно; но въ туманъ сидѣть скучновато. Мѣсто, на которомъ сидишь, кажется островомъ, а внизу съдой туманъ разстилается кругомъ на нѣсколько десятковъ верстъ, и представляетъ необозримое море; вдаль съ пикета ничего невидно, а потому мы ограничивались удвоенной бдительностью и еще болѣе напряженнымъ вниманіемъ.

Но хуже всего было намъ въ дождикъ: лежишь часовъ шестнадцать въ водѣ; вѣтеръ продуваетъ тебя пасквозь; весь мокрый, а впереди, вмѣсто отдыха, очередь конвоировать почту въ Евгеніевское....

Прогулка съ почтою въ Евгеніевское была не легче, по за то разнообразнѣе. На горѣ у насъ воздухъ чистый, свѣжій, а какъ начнешь спускаться съ горы, къ Евгеніевскому, то замѣтно ощущаешь перемѣну. Наконецъ, войдя въ самое укрѣпленіе, чувствуешь въ воздухѣ гнилъ и духоту, какая бываетъ въ грязной банѣ. Въ ясный

день, на Ибрагимъ-Дады ходишь въ сюртукѣ, и то прохладно, а въ Евгеньевскомъ, которое отъ этой горы всего только въ десяти верстахъ, невозможно и въ китель выйти изъ квартиры.

Отдохнувши въ такой банѣ и сдавши корреспонденцію военному начальнику, возвращаешься на гору. Обрати не такъ легко идти. Гора чрезвычайно крутая; лѣзешь какъ на печь, и пока дойдешь до лагеря, отдохнешь разъ сто, а то и больше. Недаромъ солдаты прозвали ее «Сапунъ-гора»: приходится согнѣть, имѣя ранецъ на спинѣ. Когда спросишь солдата: сколько верстъ съ Ибрагимъ-Дады до Евгеньевска? онъ отвѣтитъ: десять. А ежели спросишь: сколько отъ Евгеньевска до Ибрагима-Дады?, то онъ говоритъ 25 верстъ. Этимъ солдатъ опредѣляетъ крутой и трудный подъемъ.

Недолго мы стояли на горѣ. 10-го іюля, ночью, капитанъ нашъ получилъ приказаніе сняться съ лагеря, идти въ укрѣпленіе Буртунай и, соединившись съ тремя ротами, отправиться въ экспедицію, по куда? никто не зналъ.

Лагерь ожилъ; зашумѣлъ; пошли укладка и сборы; къ разсвѣту всѣ мы были готовы къ выступленію, и только ждали прихода на наше мѣсто двухъ ротъ 18-го стрѣлковаго баталіона.

12-го іюля 1859 года.

На Буртунай простояли мы недолго. Сегодня приказано намъ выступать въ Мичикъ-Кальское ущелье, гдѣ былъ уже собранъ дагестанскій отрядъ, подъ начальствомъ командующаго войсками въ Дагестанской Области, генералъ-адъютанта барона Врангеля.

Еще было совершенно темно и гористы только проиграли генералъ-маршъ, а въ ротахъ дежурные уже прокричали «пошелъ за обѣдомъ». Наши молодцы, предъ походомъ, отобѣдали до зори, потомъ пошла укладка вещей, расчетъ ротъ, наконецъ все устроилось, и заиграли въ ротахъ пѣсни—признакъ совершенной готовности.

Я, напившись чаю, тоже сталъ укладываться въ походъ. У меня была одна лошадь, а надо было и вещи на ней возить, и самому сидѣть; потому я распорядился такъ: вмѣста потника положилъ на лошадь персидскій коверъ, сложенный въ нѣсколько разъ, на него азіатское сѣдло съ подушкою: оно устроено такъ хорошо, что, за пемѣнемъ подушки, его кладутъ въ головы. Сзади сѣдла привязалъ два шерстяныхъ мѣшка, которые у насъ называются переметными сумками: въ одну изъ нихъ уложилъ посуду и бѣлье деньщика, а въ другую платье и бѣлье свое, сверху же этихъ сумъ привязалъ

плащъ. Такимъ образомъ и имѣлъ на лошади все необходимое для похода, и все оно вѣсило не болѣе двухъ пудовъ.

Товарищи мои дѣлали тоже. Но ротные командиры, получавшіе тогда содержаніе чуть-ли не вдвое больше нашего, имѣли двухъ лошадей, верховую и вьючную. На послѣдней возились походные сундуки, изъ которыхъ на мѣстѣ составлялась походная кровать и въ которыхъ вещи укладывались въ порядкѣ и не мѣлись.

По сбору, роты стали въ ружье, и, по указанію адъютанта, пошли: кто въ авангардѣ, кто въ арьергардѣ, а кто между вьюками. Дорога была узкая; лошади попадались молодыя, непривычныя къ носкѣ вьюковъ, а потому, чувствуя на себѣ тяжесть и шлепаніе колышковъ отъ палатокъ, начинали бить ноги, сбивали съ себя палатки, и потомъ стояли какъ вкопаныя.... только стригли ушами и фыркали. Фуражеры такихъ лошадей сначала отколотить, потомъ уложить безъ церемоніи вьюкъ обратно, и продолжаютъ движеніе. Подобные случаи повторялись очень часто до привала; но, послѣ привала, лошади привыкли и болѣе уже не было остановокъ.

Привалъ дѣлали на половинѣ дороги, на обширной ровной полянѣ, гдѣ былъ расположенъ лагерьмъ эскадронъ или дивизионъ Сѣверскаго драгунскаго полка. Роты стали кругомъ поляны полудугою; въ средину пустили пастись развьюченныхъ лошадей. День былъ отличный.

Пройдя отъ привала нѣсколько верстъ по ровной дорогѣ, мы дошли къ длинному и крутому спуску. Это была граница Салатавінъ; мы стали спускаться въ землю гумбетовцевъ. Спускъ былъ очень крутой; мы шли по немъ нѣсколько верстъ. Съ горы виднѣлась Ачичмеерская гора; завалы, близъ которыхъ стояли въ лагерь аншеронцы, а дальше въ ущельѣ, между громадными горами, разбросано было безчисленное множество палатокъ: это былъ, главный дагестанскій отрядъ.

Завалы, чрезъ которые мы проходили, устроены были въ два ряда. Первый рядъ, изъ бѣлаго камня, тянулся между горами въ ущельѣ, а второй изъ земли, и въ значительно большемъ размѣрѣ, чѣмъ каменные. Работа была египетская, но не принесла Шамилю никакой пользы, потому что, при появленіи ширванцевъ и мусульманъ подъ командою генералъ-маіора Ракусы, въ началѣ іюля, гумбетовцы, защищавшіе завалы, бросили ихъ и ушли почти безъ выстрѣла.

Наконецъ, часу въ четвертомъ, мы, съ пѣснями и хоромъ горнистовъ, вступили въ лагерь главнаго отряда и остановились у по-

дошвы горы, на лѣвомъ флангѣ лагеря. Улица между лагеремъ была ровная, широкая; солдаты прозвали ее «шамилевскимъ проспектомъ». На этомъ «прошпектѣ» встрѣтили насъ товарищи, раньше вышедшіе въ походъ, и угостили по-кавказски.

13-го іюля. Лагерь въ Мичикъ-Кальскомъ ущельѣ.

Сегодня дневка. Въ Мичикъ-Кале оставляли вагенбургъ, а потому его обносили землянымъ валомъ (завалами). Работа кипѣла: видно было, что мы скоро идемъ отсюда, потому что рабочихъ было много и ихъ торопили.

Сегодня высланы въ 82-й пѣхотный Дагестанскій полкъ, за прошлогодию экспедицію, 75 георгиевскихъ крестовъ. Командиръ полка раздавалъ кресты съ полною церемоніею, при звукахъ музыки. Послѣ парада начался кутежъ. Молодые кавалеры угощали товарищей, и крики «ура» долго раздавались по всему полку. Рота, въ которой я состою, не участвовала въ прошлогодней экспедиціи, а потому ничего не получила и смотрѣла съ понятною завистію на сосѣдей.

Отъ печего-дѣлать, пошелъ я въ гости къ капитану К. И*. У него было нѣсколько пріятелей-горцевъ; онъ угощалъ ихъ спиртомъ и спрашивалъ о томъ, что дѣлается въ горахъ. Горцы пили спиртъ какъ воду, и говорили, что Шамиль собралъ огромную армию и стоитъ у Андійскихъ Воротъ; мостъ же на Андійскомъ Койсу у Сугратло сжегъ, дорогу испортилъ, для чего платилъ даже бѣглымъ солдатамъ, и тѣ работали день и ночь и порохомъ рвали скалы. Теперь не только пройти рѣчку, но и до пей добраться нѣтъ никакой возможности. Они говорили И*, какъ другу, и совѣтовали ему не идти туда, потому что мюридовъ собрано въ десять разъ больше, чѣмъ въ нашемъ лагерѣ солдатъ, что насъ всѣхъ перебьютъ, и что они, горцы-пріятели, насъ такъ любятъ, что не желаютъ этого.

Вечеромъ отдано приказаніе выступать въ походъ. На выюки велѣно взять дровъ, такъ-какъ мы шли въ безлѣсную страну, и, кромѣ того, раздать каждому солдату по полѣну и выступать безъ шума. Нашему баталіону назначено идти въ авангардъ.

14-го іюля 1859 года.

Въ два часа ночи разбудилъ насъ генералъ-маршъ; весь лагерь зашевелился. Лѣнь было вставать; но палатку нашу безъ церемоніи сняли, и тѣмъ заставили поторопиться. Въ три часа тропулись съ мѣста.

Прежде всѣхъ проѣхалъ конно-регулярный мусульманскій полкъ, за нимъ свѣрскіе драгуны, а за драгунами потянулся 21-й стрѣлковый баталіонъ и нашъ сводный баталіонъ. Въ баталіонныхъ интервалахъ, на выюгахъ, везли патронные ящики и посылки для рабѣнныхъ. Дорога была преотвратительная; ночью, да еще по тропинкамъ, идти очень плохо.

Наконецъ, пройдя верстъ около десяти, все въ гору, мы взообразились на плоскую возвышенность и остановились, дабы дать время войскамъ стянуться. Но недолго мы отдыхали. На песчаной горѣ, находившейся лѣвѣ насъ, показались горы и открыли по насъ ружейный огонь.

Мусульмане и драгуны понеслись впередъ, по указанію генерала Врангеля, а намъ приказано прибавить шагу. Послѣ пустой перестрѣлки, горы исчезли, а мы, по камнямъ и по щебню, шли за канальерією, которая свернула съ дороги и понеслась на гору. Горцы устроили по дорогѣ нашей завалы, и выслали на противоположную гору небольшую партію, дабы она навела насъ на завалы; по генерала о томъ, вѣроятно, предупредили лазутчики, потому что онъ свернулъ съ дороги, и пошелъ по скаламъ напрямикъ. Когда горцы увидѣли, что имъ не удалось обмануть насъ, то вышли на гору и открыли огонь; однако мы были такъ отъ нихъ далеко, что пули не долетали до насъ. Видя, что и этимъ ничего не могутъ намъ сдѣлать, они ѣздили по горѣ взадъ и впередъ и пронзительно кричали.

Взять верхомъ не было возможности. Лошадь поминутно спотыкалась, и разъ мое имущество чуть-было не погибло въ пропасти, которая тянулась лѣвѣ насъ. Мы шли всѣ внизъ. Наконецъ увидѣли аулъ Аргуапп. Храбрые мусульмане были уже тамъ, и кое-гдѣ слышались ружейные выстрѣлы; но и они скоро затихли, потому что пѣзъ аула жители давно вышли, со всѣмъ своимъ имуществомъ, и переселились, по приказанію Шамиля, въ безопасное мѣсто.

Не доходя аула, мы повернули направо и пошли по засѣпаннымъ полямъ. Урожай былъ отличный: хлѣбъ стоялъ вышиною чуть-ли не въ ростъ человѣка, особенно ячмень и пшеница.

Жители не вышли, по обыкновенію, съ покорностію, павстрѣчу нашему начальству; а потому генералъ приказалъ косить ячмень на фуражъ, для чего въ хлѣбахъ и останавливаемы были всѣ войска, исключая 21-го стрѣлковаго и нашего своднаго баталіоновъ и части мусульманскаго полка, которыхъ назначили въ летучій отрядъ. Мы тронулись съ привада напрямикъ и, пройдя хлѣбами

версты двѣ, очутились надъ крутымъ спускомъ къ рѣкѣ Алдѣйское-Койсу.

Спускъ этотъ былъ такъ крутъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невозможно было спускать лошадей, и ихъ поддерживали сзади за хвосты.

Отсюда видъ очень хорошъ; но тутъ не до природы было: каждый думалъ, какъ бы благополучно сойти и спустить свою лошадку. Камни обрывались изъ-подъ ногъ и летѣли внизъ, дѣлая иногда невѣроятные рикошеты вправо и влево. Благодаря Бога, они немного нанесли намъ вреда; только двухъ стрѣлковъ 21-го баталіона ранило въ ноги, да одну лошадь пришибло порядкомъ. Если ко всему этому прибавить еще довольно жаркую перестрѣлку, завязавшую внизу мусульманами съ мюридами, то выйдетъ, что картина была хотя и очень красива, однако не совсѣмъ весела для непривыкшаго къ такой музыкѣ.

Правѣе, по другую сторону оврага, изъ-за горы, показалась довольно значительная партія горцевъ, и, увидя насъ, спускавшихся къ рѣкѣ, понеслась маршъ-маршемъ по направленію отъ нашего главнаго отряда внизъ къ намъ. Впереди скакали удалыцы со знаками, на добрыхъ коняхъ, а за ними, въ разноцвѣтныхъ черкесахъ и на разпшерстныхъ коняхъ, мчались въ безпорядкѣ всадники. Но мы уже спустились, и я не видѣлъ, куда дѣвалась эта партія. Высокая гора закрыла насъ отъ нихъ.

На площадкѣ намъ приказано отдыхать. Отъ каждой роты послали по 40 человекъ на рѣчку, за водой; они возвратились благополучно, потому что было уже довольно темно, и горцы не замѣтили ихъ. Притомъ, по ту сторону оврага, гдѣ неслась, часа полтора тому назадъ, непріятельская кавалерія, лежали стрѣлки 21-го баталіона и, постоянно перестрѣливаясь съ горцами, не допускали ихъ до рѣчки.

На этой площадкѣ пролежали мы не болѣе часа. Пули съ того берега хотя долетали до насъ, однако не дѣлали намъ убытка. Съ площадки проводникъ повелъ насъ ближе къ рѣкѣ, по направленію къ аулу Черкату; нашей ротѣ приказано было прикрывать горную артилерію, а 17-ю роту послали въ цѣпь.

Мы легли сзади орудій, но уснуть не было возможности. Кругомъ камень и песокъ, накалившійся отъ знойнаго дня; къ тому же и голодъ давалъ себя чувствовать: выюки наши остались наверху, при главномъ отрядѣ; маркитанты, вѣроятно отъ трусости, не спу-

стились за нами, и у насъ ничего не было съѣстнаго, а достать чего-либо не было никакой возможности.

Лежа около орудій, я слушалъ рассказы старыхъ солдатъ о походахъ и о любимыхъ ими генералахъ Пассекъ и настоящемъ начальникѣ отряда, Врангелѣ. Перваго любили они за храбрость и щедрость, но говорили, что былъ очень горячъ, а втораго за то, что больно хлопоталъ о нихъ, никогда не оставлялъ безъ продовольствія и не позволялъ обижать ихъ никому, а переходы дѣлалъ небольшіе. Они его чаще называли «дѣдушка нашъ». Князя Аргутинскаго тоже хвалили, но говорили, что больно много ходилъ. «Ужъ какъ тронется съ мѣста, такъ идетъ чуть-ли не двое сутокъ безъ привала; за то былъ справедливъ. Однажды, идемъ мы на кутешинскія высоты и, разумѣется, умаялись порядкомъ, а тутъ дорога еще была грязна, а драгуны ѣдутъ за нами и кричатъ намъ: «пѣхота, не пыли». Досадно и обидно было намъ, и мы, какъ умѣли, огрызались. Но услыхалъ шутку эту нашъ князь и заступился, сердечный, за насъ. Онъ приказалъ драгунамъ слѣзть съ лошадей и идти пѣшкомъ; вотъ тогда и намъ пришелъ чередъ посылаться надъ пѣшею копьяцею». Вѣроятно, солдатикамъ не больно было мягко спать на камнѣ, потому что они болтали почти всю ночь.

Около меня, въ нѣсколькихъ шагахъ, лежалъ командиръ полка, полковникъ Радецкий; но я только тогда узналъ о томъ, когда мимо меня пронесли бурки и изъ нихъ сдѣлали нѣчто въ родѣ кибитки. Въ кибиткѣ этой сѣли генералъ-маіоръ Ракуса и мой командиръ. Они хотя шопотомъ говорили, однако я невольно подслушалъ ихъ разговоръ. Генералъ говорилъ: «Федоръ Федоровичъ! Главнокомандующему угодно, во что-бы то ни стало, взять сугратинскую переправу, и надо исполнить его приказаніе. Но трудно взять ее, очень трудно. Дорога сорвана, мостъ сожженъ, и та сторона Койсу сильно укрѣплена. Придется намъ уложить до 400 лучшихъ людей; жаль ихъ, но надо исполнить приказаніе». Послѣ этого зажгли свѣчку, но чрезъ бурку свѣта не было видно, и написали барону Врангелю донесеніе, что спустились къ рѣкѣ благополучно, но что моста и дороги нѣтъ. Эту записку отослали тотчасъ, и просили отвѣта.

Потомъ вызвали охотника, который-бы спустился къ рѣкѣ, измѣрилъ ширину ея и разсмотрѣлъ укрѣпленіе на той сторонѣ. Охотниковъ явилось нѣсколько, и генералъ, отдавъ имъ приказаніе, говорилъ долго еще шопотомъ. Я ничего не слышалъ больше, и

думалъ только о завтрашнемъ днѣ и о предполагаемой переправѣ.

Зорю у насъ не играли, дабы не возбудить вниманія непріятеля. Но у горцевъ ночью мулла завывалъ безжалостно, и собиралъ право-вѣрныхъ къ молитвѣ и совѣщанію.

15-го іюля 1859 года. Среда.

Съ разсвѣтомъ началась перестрѣлка между нашею цѣпью и мюридами, засѣвшими по ту сторону Койсу, за кургаичиками, въ которые были воткнуты разноцвѣтные значки. Я, не умываясь, пошелъ въ цѣпь къ 17-й ротѣ, которая лежала за бугоркомъ. Правѣ ея, ночью, построили батарею на два орудія. Изъ этихъ орудій стрѣляли въ завалы, подѣланные мюридами, но не совѣмъ удачно: то переносило, то не доносило; разъ, правда, ядро попало въ кучку горцевъ: они выскочили изъ-за закрытія и были перебиты нашими стрѣлками.

Въ цѣпи сидѣли, съ ружьями въ рукахъ, командиръ 17-й роты, капитанъ Квицинскій, и штабсъ-капитанъ гвардіи Ковалевъ (нынѣ командиръ Теугинскаго полка), и стрѣляли по горцамъ, которые высовывали изъ-за закрытія свои головы. Я тоже взялъ ружье и около нихъ улегся и сталъ стрѣлять. Разстояніе отъ насъ до непріятеля было только 600 шаговъ.

Вскорѣ за мною прислалъ мой командиръ баталіона, майоръ Балашевичъ, и я долженъ былъ бросить это занятіе. Баталіонный командиръ распекъ меня за то, что я отлучился отъ роты: онъ приказалъ мнѣ взять полувзводъ и, ставъ по дорогѣ къ рѣчкѣ, не пропускать туда никого.

Несмотря на раннее время, жара была невыносимая. Всѣ мы были въ рубахахъ, а сюртуки наши послали за нами или цырюльники, или горинсты. Солдаты ходили тоже безъ полукафтановъ, но имъ некому было носить, а потому они ихъ привязывали сзади къ патронташамъ.

Отойдя со своею командою на назначенное мѣсто и выславъ на гору пикетъ, я легъ на камнѣ и срисовалъ гору, по которой мы вчера спускались и по которой спускался теперь 2-й баталіонъ 82-го пѣхотнаго Дагестанскаго полка.

Горцы не любятъ грамотѣевъ, а потому, увидя меня съ записною книжкою, пустили нѣсколько неудачныхъ пуль: нѣкоторые изъ нихъ расплоснулись на сосѣднемъ камнѣ, а нѣкоторые со свистомъ пролетѣли дальше и заставили меня прекратить занятія и перемѣнить позицію.

Когда я рисовалъ, ко мнѣ подошелъ какой-то солдатъ, похожій на плаксиваго писаря, и просился внизъ на рѣчку, въ охотники. Я думалъ что это писарь, что ему невесело сидѣть подъ пулями и что онъ хочетъ улизнуть, а потому прогналъ его къ полу-зводу; но послѣ, узнавъ что это былъ юнкеръ Шлейеръ, извинился передъ нимъ и отпустилъ. Онъ, дѣйствительно, пошелъ въ охотники, и, какъ увидите послѣ, отличился на переправѣ.

Часу въ двѣнадцатомъ, мимо меня проѣхалъ начальникъ авангарда, генералъ-маіоръ Ракуса. Я въ рубахѣ, но при шашкѣ, отпраповалъ ему, для чего здѣсь пахожусь, и онъ приказалъ мнѣ возвратиться съ командою къ баталіону, говоря, что весь баталіонъ скоро пойдетъ на смѣну 21-го стрѣлковаго баталіона, который со вчерашняго дня занимаетъ позицію на водопоѣ и проситъ отдыха.

Генералъ Ракуса, несмотря на жару, былъ въ тепломъ сюртукѣ и въ папахѣ. Солдаты говорили между собою, что онъ со всѣми горцами въ дружбѣ, и они, будто бы, совѣтовали ему ходить въ папахѣ, для отличія отъ другихъ и что они его, по этой причинѣ, не убьютъ. Но это, разумѣется, были одні только солдатскія догадки. Генералъ Ракуса хотя, дѣйствительно, имѣлъ въ горахъ много пріятелей, однако и храбрость его была всѣмъ извѣстна: когда подъ Шелягами ему раздробили руку, то и тогда, говорятъ, онъ, сидя на барабанѣ, приказалъ ее отрѣзать. И теперь, безъ руки, а ѣздитъ надъ пропастями и подъ выстрѣлами непріятеля (*).

Дѣйствительно, спустя $1\frac{1}{2}$ часа, мы шли на смѣну 21-го стрѣлковаго баталіона. Придя къ оврагу, за которымъ вчера пелась кавалерія, мы были остановлены маіоромъ подъ выстрѣлами; въ обходъ была послана молодецкая 17-я рота. Живо пробѣжавъ по мостику, рота поднялась по тропинкѣ и, занявъ противоположную сторону оврага, заставляла горцевъ замолчать. Впрочемъ, навѣсными выстрѣлами ни одного у насъ не ранили.

Когда 17-я рота заняла край оврага, то и остальные четыре роты двинулись напрямикъ. Рѣченка, чрезъ которую намъ падо было пройти, была шириною не болѣе шести шаговъ. Мы взялись крѣпко за руки, и стали въ нее спускаться. Она была такъ быстра, что трудно было устоять на ногахъ; рядоваго Палку оторвало и чуть было не унесло; но фельдфебель схватилъ его за патронташъ и

(*) Въ 1861 году генерала Ракусу повесели лошади близъ станціи Кумъ-Теръ-кисе; онъ выпрыгнулъ изъ экипажа и, ударившись о камень головою, скончался на мѣстѣ.

вытащилъ на ту сторону. Глубина же была по-поясъ, почему въ походные сапоги набралось много воды.

Пройдя рѣчку, мы стали подниматься на крутую, чуть не отвѣсную, гору, утыканную камнями; которые держались на половине въ землѣ, на половину торчали наружу. Я шелъ за командиромъ баталіона, который, отъ старости, еле-еле взбирался на такую крутизну, причемъ его поддерживалъ баталіонный староста. Солдаты карабкались впереди насъ, и ногами обрывали камни, которые, летя внизъ, падали въ рѣку. Однимъ чуть-было не убило добраго маіора; но горнистъ крикнулъ: «берегитесь, ваше высокоблагородіе», и тотъ прилегъ къ землѣ, а за нимъ и я. Черезъ насъ пролетѣлъ огромный камень, разбившійся о другой въдребезги.

Взобравшись на гору, мы разсыпали цѣпь, между которою и мюридами завязалась перестрѣлка. Горцевъ было, вѣроятно, немного, потому что перестрѣлка съ ихъ стороны была очень рѣдкая, да и та скоро почти прекратилась. Урона у насъ не было никакого.

Когда совершенно стемнѣло, намъ подали сигналъ «отступленія» и мы благополучно достигли старой позиціи. Кромѣ 2-го баталіона дагестанцевъ, нашли еще 2-й баталіонъ ширвапцевъ. Намъ приказано получить сухари еще на три дня и готовиться къ дальнѣйшему походу. Маркитанта же не было еще у насъ; мы весь день питались солдатскими сухарями и уже два дня не пили чаю.

Когда роздали сухари, то провожатый повелъ насъ внизъ по теченію рѣки и указалъ мѣсто около 2-го баталіона дагестанцевъ. Мѣсто было песчаное. Духота на этой позиціи была невыносимая, и притомъ продолжалась и ночью. Ночь была очень темная. Санеры впереди насъ дѣлали батарею, но стука ихъ кирокъ не было слышно неприятелю, хотя онъ находился отъ насъ, какъ говорили, не болѣе какъ въ 150 шагахъ. Шумъ рѣки Койсу все заглушалъ. Выше и лѣвѣе насъ расположились по скаламъ стрѣлки 21-го стрѣлковаго баталіона.

Со стороны непріятеля, несмотря на темноту, раздавались рѣдкіе выстрѣлы. Ночь прошла въ ожиданіи. Всѣ мы не спали.

Юля 16-го, четвергъ.

Передъ разсвѣтомъ, намъ приказано, поротно, спускаться, по узенькой тропинкѣ, къ рѣкѣ Андійское-Койсу. Когда спускались 2-й баталіонъ и первыя двѣ роты нашего баталіона, то ихъ горцы не замѣтили и не стрѣляли по нимъ; но 3-ю роту замѣтили и открыли по ней огонь. Мы же шли сзади всѣхъ. Горцы сидѣли за скалами, по ту

сторону рѣки, и стрѣляли по насъ съ разстоянія не болѣе 50 шаговъ, а потому уронъ у насъ былъ довольно значительный: говорили, что убыло изъ фронта болѣе 30 человекъ.

Пули сильно свистѣли и, ударяясь въ скалу, расплющивались и разбивали каменья, которыми осыпало насъ какъ пескомъ, а осколками пуль контузило и ранило. Впереди меня бѣжалъ прапорщикъ Р*, мой товарищъ по ротѣ; его контузило въ правую руку. Онъ схватился за нее и прибавилъ шагу. Когда же добѣжалъ и я до того мѣста, то и меня отмѣтили, но довольно легко. Мнѣ показалось, что кто-то приложилъ къ моей шеѣ уголь или зажженную папиросу. Это мѣсто у меня немного припухло; когда же пришелъ на мѣсто и мнѣ приложили, нѣсколько разъ, какой-то живительной примочки, то я и забылъ про контузію. Дома, быть можетъ, и занялся бы ею, но тутъ, видя смертельно-раненыхъ и убитыхъ, мнѣ совѣстно было и думать о такихъ пустякахъ.

Когда мы спустились внизъ, насъ завели за гору, которая закрывала отъ выстрѣловъ непріятельскихъ, и приказали лечь. Но и тутъ не было покоя. Одна пуля съ навѣсу попала въ щеку солдату и прошла насквозь, а другая въ грудь нашему унтеръ-офицеру Гржебелюку. Онъ приподнялся, по поблѣднѣлъ и опустился на землю. Его тотчасъ раздѣли и изъ рапы, между ребрами, потекла кровь. Пуля ударила въ толстую перевязъ и, пробивъ ее и полукафтаиъ, остановилась между ребрами: ее тутъ же вынули, а рану перевязали бинтами.

Наскучило мнѣ лежать въ бездѣйствіи; притомъ духота и удушливый запахъ ущелья заставили меня пройтись на чистый воздухъ къ рѣчкѣ. Тамъ устраивали мостъ, причемъ бревна, привезенныя изъ Буртулая, оказались короткими.

Близъ рѣки увидѣлъ я генерала Ракусу, полковника Радецкого и подполковника Девеля. Всѣ они о чемъ-то толковали. Понравился мнѣ мой полковой командиръ. Онъ отдавалъ, при мнѣ, приказанія адъютанту нашего баталіона, прапорщику Чернятину, такъ хладнокровно, какъ будто разговаривалъ въ кабинетѣ. И когда пуля попала въ сапогъ Черянина и тотъ присѣлъ, какъ бы ставъ предъ нимъ на колѣни, то и тогда онъ преспокойно спросилъ: «васъ ранили?» — и, узнавши, что только контузили, продолжалъ на томъ же мѣстѣ отдавать приказаніе, и также хладнокровно.

Поручикъ А. П... въ стоялъ неподалеку отъ меня, въ широкихъ лезгинскихъ шароварахъ, и курилъ папиросу. Пуля попала ему между ногъ и, прорвавъ шаровары въ нѣсколькихъ мѣстахъ, осталась въ

нихъ. Онъ только плюнулъ, стряхнулъ ноги и остался на своемъ мѣстѣ, отгрызаясь отъ шутокъ товарищей.

Хладнокровіе всѣхъ заставило и меня пренебрегать опасностью: я пошелъ еще дальше. Но когда пришелъ къ рѣкѣ Андійскому-Койсу, то горцы, сидѣвшіе въ пещерѣ и такъ безжалостно стрѣлявшіе по намъ, перестали стрѣлять: миѣ сказали, что генералъ Ракуса, чрезъ переводчиковъ, обѣщался не наказывать ихъ, и даже дать 200 рублей, только бы они не препятствовали устройству переправы. Враги наши теперь сидѣли на камняхъ, по ту сторону рѣки, и такъ близко, что можно было разглядѣть ихъ лица и костюмы. Одинъ изъ нихъ, широкоплечій мужчина, въ чалмѣ, былъ на виду и переговаривалъ съ нашими переводчиками.

Къ берегу рѣки стянули нѣсколько ротъ, которыя послали камень и бросали въ одно мѣсто въ рѣку; но для чего это дѣлали, я не зналъ. Говорили, что хотятъ сдѣлать пристань и къ ней прикрѣпить мостъ.

Лѣвѣе пещеры, гдѣ сидѣли горцы, шаговъ на 80 или 90, на правомъ берегу рѣки, росло довольно большое дерево; къ этому-то дереву хотѣли привязать канатъ и по немъ переправить на ту сторону людей, для укрѣпленія предполагаемаго моста. Но для того, чтобы укрѣпить канатъ, надо переправиться, хоть одному человѣку, на ту сторону рѣки, что сдѣлать почти не было возможности. Рѣка текла между огромными камнями, и такъ быстро, что голова кружилась при видѣ теченія, а шумъ отъ разсѣканія воды о камень и брызги паводили какой-то невольный страхъ. По все-таки приказано вызвать охотниковъ.

Первымъ явился рядовой 8-й роты 88-го пѣхотнаго Дагестанскаго полка, Кочетковъ. Онъ посмотрѣлъ на рѣку и сказалъ: «Переплыть мудрено, но попробую счастья. У меня нѣтъ ни роду, ни племени; авось удастся услужить великому царю». Съ этими словами, онъ отошелъ выше переправы шаговъ на сто, раздѣлся, перекрестился и бросился въ рѣку. Всѣ глаза были устремлены на смѣльчака, который, обладал большою силою и ловкостью, боролся съ волнами. Послѣ каждаго взмаха руки, его отпосило по теченію шаговъ на пять. Вотъ онъ уже у противоположнаго берега, уже хватается за скалу, но сильная волна ударяетъ въ него и уноситъ отъ берега... Всѣ невольно ахнули, и сочли его погибшимъ; но онъ не потерялся и, въ нѣсколько взмаховъ руки, опять уцѣпился за скалу, на этотъ разъ такъ крѣпко, что вылезъ на берегъ. «Ура», всего передоваго отряда, привѣтствовало молодца, и онъ, голый, пошелъ къ дереву,

къ которому предполагали прикрѣпить канатъ. Кочеткову предстояло пройти чрезъ ущелье, въ которой и надъ которою сидѣли истроломные горцы, а потому всѣ мы боялись за жизнь его. Но онъ шагаль смѣло, поздоровался съ ними и прошелъ благополучно до назначеннаго мѣста...

За этотъ подвигъ ему уничтожили штрафъ, произвели въ унтеръ-офицеры и наградили знакомъ военного ордена 2-й степени, для нижнихъ чиновъ установленной.

Когда Кочетковъ пришелъ къ дереву, то начали перебрасывать чрезъ рѣку бичеву; но ее не могли добросить и до половины рѣки, а потому рѣшили перебросить прежде нитку, а потомъ къ ней привязать бичеву, къ бичевѣ въревку и, наконецъ, къ веревкѣ укрѣпить канатъ.

Долго не удавалась намъ эта попытка. Юнкеръ 6-й роты Дагестанскаго полка, Асланъ-бекъ-Агаевъ, вызвался переплыть на ту сторону съ бичевою. Для этого онъ перевязалъ себя и поплылъ; но за эту попытку чуть не поплатился жизнью, и еле-еле выплылъ обратно на нашу сторону. Вторая попытка ему тоже по удалась.

Третьимъ охотникомъ явился юнкеръ нашей роты, Николай Шнейеръ (котораго я не пускалъ съ пикета). Его сначала не хотѣли пустить, но онъ упросилъ, и поплылъ такъ же удачно, какъ Кочетковъ; такъ же схватился за скалу на противоположномъ берегу, но, оторвавшись, ударился головою о скалу... волны поглотили его. Спустя четверть часа, мы замѣтили голаго человѣка, идущаго къ Кочеткову, вверхъ по рѣкѣ. Сначала думали, что это идетъ мюридъ, чтобы убить его; но когда подошелъ онъ поближе, узнали въ немъ Шнейера. Его несло волною около четверти версты, и онъ, какимъ-то счастливымъ случаемъ, ухватился за скалу и выбрался на берегъ. Все тѣло его было исцарапано и покрыто кровью.

Дойдя до Кочеткова, Шнейеръ помогаль ему ловить нитку, и наконецъ удалось поймать ее. Всѣ обрадовались этому и невольно прокричали «ура», которое подхватили всѣ войска бывшія на переправѣ. Къ ниткѣ привязали бичеву; на несчастье, она оказалась короткою; но дабы не оборвалась нитка отъ тяжести, когда къ короткому шнуру привяжутъ веревку, то офицеры отрѣзывали кожаные португепы, отъ азіятскихъ шашекъ, и надвизывали ими бичеву. Первый подалъ примѣръ капитанъ Шарыгинъ (нынѣ умершій), и, благодаря общимъ стараніямъ, канатъ былъ почти укрѣпленъ. По эту сторону работали около каната исключительно офицеры, именно:

адъютантъ Старосельскій и наши офицеры: Пушкинъ, Исайскій, Шарыгинъ, Борицкій и я.

Не успѣли мы хорошенъко укрѣпить канатъ, какъ раздались выстрѣлы изъ пещеры, которая отъ насъ находилась, какъ я уже говорилъ, шагахъ въ 50 или 70. Мы такъ были заняты устройствомъ каната, а другіе пасыпью плотины, что не замѣтили, какъ мюриды открыли огонь. Вѣроятно, они хотѣли просидѣть въ пещерѣ только до ночи, а потомъ уйти изъ нея, въ надеждѣ, что мы перейдемъ рѣку до тѣхъ поръ; но увидя, что канатъ укрѣпляютъ, и что радости нашей, выражаемой криками «ура», нѣтъ конца, что, значитъ, мы перейдемъ непременно и, быть можетъ, накажемъ ихъ за убитыхъ и раненыхъ, они попрыгали въ пещеру и начали стрѣлять.

Первымъ выстрѣломъ убили мусульманскаго всадника наповалъ; пуля попала въ високъ, а въ другой вышла; другая пуля ударилась въ животъ нашему солдату; третья солдату въ ротъ, выбила ему зубы и вышла въ затылокъ; кровь запеклась у него во рту и несчастный не могъ говорить и дышать. Говорили потомъ, что онъ вылечился и вышелъ въ отставку.

Устройство плотины и каната на время пріостановилось. Подали сигналъ стрѣлять, а намъ приказали спрятаться за скалу. Противъ пещеры, на гору, втащили горныя орудія, и изъ нихъ въ пещеру пустили нѣсколько гранатъ съ разстоянія не болѣе 100 шаговъ. Онѣ лопались въ пещерѣ, и отъ этого по ущелью раздавался гулъ, какъ сильный громъ во время грозы. Дымъ разостлался по всей рѣкѣ; осколки долетали даже до насъ, по ппкого не задѣло.

Стрѣлки, находившіеся на высотахъ, тоже не зѣвали: правовѣрные не могли показать носа; стрѣльба ихъ затихла. Мы опять принялись за дѣло, и вскорѣ канатъ укрѣпили: однимъ концомъ къ толстому дереву, а другимъ, на нашей сторонѣ, къ высокимъ козламъ, сдѣланнымъ изъ брусевъ.

Теперь надо было послать на ту сторону солдатъ съ оружіемъ, дабы они выгнали изъ пещеры мюридовъ. Охотниковъ явилось много. Первый полѣзъ, по всѣмъ правиламъ гимнастики, цѣпляясь руками и ногами за канатъ; но на половинѣ пути остановился, опустил ноги, и старался, съ помощію одпѣхъ только рукъ, добраться на ту сторону. Выбившись изъ силъ, онъ обратился въ нашу сторону и глазами просилъ помощи. Но какъ было ему помочь? Послать другаго, значило и другаго погубить. Долго держался солдатъ на веревкѣ; быстрыя волны сорвали съ ногъ его походные сапоги, а потомъ и

онъ оборвался съ каната. Падаѣ, сбросилъ съ себя ружье и боролся съ рѣкою. Говорили, что его, изъ пещеры, ранили въ ногу, а потому онъ опустился и поги на половинѣ пути.

Увидя гибель товарища, другіе не рисковали переправиться. Однако одинъ солдатъ улучшилъ способъ переправы и, за находчивость, получилъ отъ полковника Радецкаго 15 рублей.

Улучшеніе состояло вотъ въ чемъ: на канатъ надѣлъ онъ два довольно прочные изъ скользкой лозы обруча; къ нимъ привязалъ широкую доску, на которую ложился спиною и, перебирая руками по канату, заставляя обручи скользить по немъ и двигаться впередъ съ доскою. Потомъ къ доскѣ этой привязали бичевки съ обѣихъ сторонъ и притягивали ими доску съ охотникомъ туда, а пустую обратно.

На этой—то доскѣ, названной солдатами «люлькою», переправилось на ту сторону съ оружіемъ 15 солдатъ и 13 всадниковъ мусульманскаго полка, при двухъ офицерахъ 21-го стрѣлковаго батальона, прапорщикъ Александръ Николаевичъ Туркестановъ (нынѣ майоръ), и хорунжемъ мусульманскаго полка Кайтуки—Тюлелевъ (нынѣ поручикъ). Первый изъ нихъ былъ съ солдатскимъ ружьемъ и патронташемъ.

Во время переправы, перестрѣлка въ пещерѣ хотя уменьшилась, но не умолкала, и у насъ ежеминутно убывали люди. У стоявшаго неподалеку отъ меня всадника мусульманскаго полка, курившаго трубку, пуля, ударившаяся о скалу и разлетѣвшаяся въ дребезги, выбила изъ рукъ его трубку. Онъ сморщился, плюнулъ и, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «шайтанъ—пуля: рука кушалъ, трубка кушалъ и борода кушалъ». Оказалось, что одною пулею его легко ранило въ руку и въ щеку и, выбивъ трубку, испортило ее, за что онъ крѣпко разсердился и плевалъ.

Когда тридцать человѣкъ охотниковъ переправились на ту сторону, то подали сигналъ «перестать стрѣлять», по которому стрѣльба съ высотъ умолкла, а охотники бросились къ пещерѣ. Сначала стрѣляли изъ ружей и пистолетовъ, но потомъ, не имѣя времени заряжать, примыкали штыки и лѣзли съ ружьями въ пещеру, бросая вездѣ каменья. Юнкера милиціи Алхаза ранили въ голову; кровь потекла по лицу, и онъ, сѣвъ на берегу рѣки, промывалъ рану. Остальные, какъ львы, лѣзли па добычу. Перестрѣлка совершенно затихла; изъ пещеры стали вытаскивать живыхъ и мертвыхъ мюридовъ. Одинъ изъ нихъ, еще по сигналу перестать стрѣлять, бросился бѣжать изъ пещеры, обвѣшавши себя торбами, но наши стрѣлки не зѣвали: они въ одну секунду уложили бѣглеца. Онъ не могъ подняться, но все

такъ ползъ впередъ, пока его нѣсколько разъ не прокололи штыками. Вѣроятно, несчастный былъ бѣглый солдатъ, потому что понялъ нашъ сигналъ.

Однѣ изъ вытащенныхъ мюридовъ, широкоплечій мужчина, спалъ папаху и, кланяясь намъ, просилъ пощады. Всѣ съ презрѣніемъ смотрѣли на подлаго измѣнника и кричали: «бей его». Услышавъ это, онъ схватилъ милиціонера за черкеску и хотѣлъ съ нимъ вмѣстѣ броситься въ бѣшеную рѣку; но стоявшіе сзади солдаты выстрѣлили въ упоръ такъ, что на немъ загорѣлась черкеска, а потомъ прикололи его штыками. То же сдѣлали и съ другими двумя его товарищами; оставили только одного раненаго въ ногу, 16-ти лѣтняго мальчишку, родственника нашего всадника, и перенесли на нашу сторону. Говорили, что ему осколкомъ оторвало пятку.

Имущество мюридовъ подѣлили между собою охотники. Шпейеръ и Кочетковъ взяли лучшія черкески, какъ имѣвшіе большее на нихъ право, и цѣлый день въ нихъ шеголяли.

Всѣ защитники пещеры были изъ аула Харачая. Ихъ всѣхъ уложили, такъ что о геройской защитѣ и о гибели ихъ никому было передать ихъ семействамъ.

Послѣ этого раненыхъ съ той стороны перевезли въ «люлькѣ» по канатѣ на нашу сторону, а вмѣсто ихъ послали десять человѣкъ стрѣлковъ Дагестанскаго полка и восемь саперовъ съ инструментами, для расчистки тропинки. Начальство надъ охотниками и саперами принялъ Дагестанскаго полка штабсъ-капитанъ Константинъ Исайскій (нынѣ подполковникъ Пятигорскаго полка), а Туркестановъ и Кайтуки-Тюлелевъ возвратились къ своимъ частямъ.

Переправою туда и назадъ распоряжался я. Часу въ шестомъ пополудни, пришелъ генералъ-маіоръ Ракуса, и приказалъ пріостановить переправу, говоря, что веревка протерлась и можетъ оборваться доска.

Приказавъ привязать доску, я пошелъ къ своей ротѣ, которая находилась неподалеку отъ рѣки, въ ущельѣ, и легъ на пикѣтъ не запятой ложицкѣ.

Прележавъ не болѣе часа, мы потянулись по тропинкѣ вверхъ на старую позицію. Но теперь не такъ уже по намъ стрѣляли; пещера была запята нами, а стрѣлки, расположенные наверху, не дозволяли мюридамъ подходить къ намъ близко.

Идя сзади роты и смотря на расположеніе непріятельскихъ заваловъ, я замѣтилъ, что изъ-за одного изъ пикѣтъ, на ружьѣ, высоко поднимаютъ папаху. Это былъ сигналъ къ переговорамъ. Я остановился посмотреть, чѣмъ все кончится. Начальство наше увидѣло па-

паху и дало сигналъ для прекращенія стрѣльбы; но по пересѣченной мѣстности сигналъ не всѣмъ былъ слышенъ, и его нѣсколько разъ повторяли. Когда-же стрѣльба замолкла, то семь горцевъ, отлично одѣтыхъ, поднялись изъ-за заваловъ и, подходя къ крутому берегу, сѣли подъ рѣкою, не рискуя спускаться въ пропасть. Наши переводчики (какъ мнѣ послѣ говорили) кричали имъ, чтобы они спускались непременно по этой тропинкѣ, а то, ежели пойдутъ въ кусты, ихъ перебьютъ всѣхъ. Они сидѣли и, какъ мнѣ казалось, разговаривали между собою; но потомъ вдругъ всѣ сразу вскочили и бросились въ балку. Наши стрѣлки не ждали сигнала: пули полетѣли въ догонку и уложили одного, который ползкомъ побрелъ въ кусты. Послѣ я узналъ, что это были старшины окрестныхъ ауловъ, и что ихъ было восемь человекъ, но что одного убили наши стрѣлки въ то время, когда тотъ поднимался изъ-за завала и махалъ папахою.

Тогда горцы скрылись, а раненый заползъ въ балку, я ускорилъ шаги, чтобы догнать свой баталіонъ; но любопытство заставляло меня посматривать въ ту сторону, гдѣ только что разыгралась эта сцена. За любопытство я чуть-было не заплатилъ жизнью, потому что, сбившись съ тропинки, пошелъ по нижней, по которой были расположены наши стрѣлки за завалами. Горцы, увидѣвъ меня совершенно отърятого, стали по мнѣ стрѣлять довольно ч сто; однако пули ложились то выше, то впереди меня, и я шелъ словно заколдованный. Впереди меня шелъ унтеръ-офицеръ; ему пуля попала въ лѣвую ногу, и онъ, облокачиваясь о ружье, добралъ до завала, гдѣ и легъ. Я прошелъ на позицію невредимымъ и почти одновременно съ баталіономъ.

Не успѣлъ я отдохнуть и десяти минутъ на новой позиціи, какъ получилъ приказаніе, со взводомъ стрѣлковъ идти на смѣну роты 21-го стрѣковаго баталіона, мимо которой я шелъ къ баталіону. Выслушавши приказаніе стараго майора, я взялъ свой взводъ и потянулся гуськомъ по знакомому уже мѣсту. Но теперь я шелъ не одинъ, а съ 65 молодцами, которыхъ надо было сберечь; потому я рассчиталъ ихъ за бугромъ позвѣпно, указалъ каждому звену, какое занять мѣсто, и послалъ ихъ въ разсыпную, чтобы горцамъ не такъ удобно было по нимъ цѣлиться. Послѣ-же обошелъ всѣхъ и, повѣривъ расположеніе, легъ отдохнуть на батарее.

Тамъ лежали два артиллериста. Одинъ изъ нихъ, кажется, капитанъ бывшій въ Севастополѣ, рассказывалъ другому, поручику Г°, о сегодняшнемъ днѣ, и сравнивалъ войска севастопольскія съ войсками

кавказскими и тѣ труды, которые переносили севастопольцы и которые мы переносимъ теперь. Оказалось, что здѣшнія войска переносить трудовъ во сто разъ больше, а храбрость, находчивость, смѣлость, неутомимость и любовь къ начальникамъ положительно изумляютъ севастопольца, и что лучше нашей арміи наврядъ-ли гдѣ найдется.

Я лежалъ и, не вступая въ разговоръ, слушалъ пріятную, для каждаго кавказца, справедливую похвалу. Поручикъ Г., старый кавказскій ветеранъ, рассказывалъ о другихъ походахъ; но я не могъ слышать конца ихъ бесѣды, потому что унтеръ-офицеръ доложилъ мнѣ, что одного стрѣлка ранили въ голову, и я долженъ былъ встать и идти туда распорядиться объ отправленіи его на перевязочный пунктъ.

Когда я возвратился на батарею, капитана уже не было, а поручикъ съ юнкеромъ хлопотали около орудій. Они замѣтили, что горы, по призыву муллы, собирались въ одно мѣсто для вечерняго намаза (умовенье и молитва), а потому павели орудіе въ ту сторону и сдѣлали нѣсколько не совсѣмъ удачныхъ выстрѣловъ. Это было уже ночью. На эти выстрѣлы прибѣжалъ кто-то, вѣроятно изъ старшихъ артиллеристовъ: онъ распекъ поручика Г. и приказалъ больше не стрѣлять.

Часовъ въ десять вечера, ползкомъ, подкрался ко мнѣ деньщикъ моего ротнаго командира и поставилъ передо мною кострюлю съ гречневою кашею, а изъ кармана высыпалъ нѣсколько сухарей. Смотря на кашу, я не вѣрилъ своимъ глазамъ, откуда могла явиться такая благодать; пріятный паръ отъ теплой каши и запахъ свиного сала заставилъ меня привстать и взяться за кострюлю не на шутку. Это былъ подарокъ отъ «ротмистра» моего, за исполнительную мою службу. Въ нѣсколько секундъ кострюля была пуста, и деньщикъ, награжденный абазомъ (20 к.), возвращался на бивуакъ. Каша показалась мнѣ вкуснѣ всякихъ соусовъ и пирожныхъ, и я только сожалѣлъ, что немного ея было, что я не насытился вдоволь, а потому лежа грызъ сухари и ожидалъ смѣны, чтобы успѣть послѣ закуски и денной суеты.

Часовъ въ одиннадцать пришла рота 21-го стрѣлковаго баталіона и смѣнила меня. Было довольно темно, а потому я собралъ взводъ и возвратился на бивуакъ къ баталіону безъ малѣйшей потери.

Явившись начальству, отыскавъ своего ротнаго командира, поблагодарилъ за лакомство, снялъ полукафтанъ, разостлалъ его, положилъ въ голову солдатскій патронташъ и крѣпко уснулъ.

Ночью приспилось мнѣ, что меня рубятъ горцы шашкою и кинжалами, а я отбиваюсь отъ нихъ своею форменною шашкою. Долго, быть можетъ, я дрался бы, еслибы меня не толкнулъ «обладатель Персіа»: оказалось, что я скатился съ бугра, на которомъ спалъ, и очутился внизъ головою на рукѣ моего товарища. Я же такъ крепко спалъ, что не проснулся при этой невольной прогулкѣ.

Кругомъ все спало; только часовые въ каждой ротѣ ходили и прислушивались къ малѣйшему шороху. У враговъ нашихъ тоже царствовала мертвая тишина.

17-го іюля 1859 года. Пятница.

Съ разсвѣтомъ завязалась перестрѣлка и я проснулся. Умывшись, сталъ разсматривать окрестности той позиціи, на которой находился. Мѣсто было покатое къ рѣкѣ, и отсюда отлично были видны расположеніе непріятеля, всѣ ихъ ямы и впереди ямъ небольшіе каменные завалы, всѣ траншеи, а за буграми значки; но мы были довольно отъ нихъ далеко, и пули, очень рѣдко, долетали до насъ.

День былъ невыносимо знойный. Всѣ мы ходили въ рубахахъ, но и въ нихъ не находили себѣ мѣста, а тутъ, какъ на зло, ни одного деревца, ни одного большаго камня, за которые бы можно укрыться. Но когда, въ шесть часовъ утра, принесли намъ обѣдъ, то мы, забывъ жару, какъ голодные волки бросились на добычу, и борщъ, съ кислотою и сушеною капустою, показался намъ превкуснымъ блюдомъ.

Мы потому рано такъ обѣдали, что всѣ говорили, будто генералъ Ракуса хочетъ отступить, а нашъ полковой командиръ настаивалъ устраивать мостъ изъ веревокъ, для чего, даже у насъ, позабывали всѣ коновязи и недоузки. Никто не зналъ, пойдѣмъ ли впередъ или отступимъ. Говорили, что на самой переправѣ у капата войска очень мало, и что бѣдняга Исайскій лежитъ на коврѣ и пьетъ чай.

Въ семь часовъ утра, Шамиль вывезъ орудіе и началъ стрѣлять на насъ то камнями, то гранатами; но такъ далеко онъ стоялъ, что наши артиллеристы не отвѣчали на его выстрѣлы. Офицеры смѣялись, что онъ сыпалъ пороху въ орудіе по цѣлой папахѣ.

Какъ бы то ни было, а падо Шамилю отдать справедливость: онъ стрѣлялъ довольно хорошо, а еще лучше улопетывалъ, со своимъ орудіемъ, послѣ каждаго выстрѣла. Зарядивши, опять потихоньку выкатывалъ изъ-за горы, и, выстрѣливши, опять удиралъ.

Всѣхъ выстрѣловъ было до двадцати. Иѣкоторые снаряды были пустые и летѣли съ громкою музыкою; иѣкоторые попадались надъ его же завалами, а одно попало въ самый завальчикъ: изъ него горы выскочили и были поребиты нашими стрѣлками.

Изъ всѣхъ выстрѣловъ только одно ядро упало недалеко насъ, но и то не причинило намъ убыли. Больше же пускалъ Шамиль камней на первую позицію, гдѣ, говорятъ, были разбиты палатки и въ которыхъ иѣжились маленькіи сыпки. Я тамъ не былъ, но рассказывали, что одно ядро попало въ деньгищю палатку майора Г. и, перебивъ ему посуду, ранило сидѣвшаго въ ней пѣтуха. Другимъ снарядомъ убило лошадь и ранило солдата.

Эта стрѣльба, вмѣсто того чтобы наводить уныніе на солдатъ, веселила кавказцевъ: постоянно слышались шутки и смѣхъ весельчаковъ. Напримѣръ, какъ только горы начнутъ выкатывать орудіе, то они кричатъ: «ребята, смотри претъ! ей-ей претъ!». Послѣ, когда покажется дымъ, солдаты опредѣляли, въ какую сторону выстрѣлили, и кричали: «смотри, смотри! стрѣльнулъ окаянный!» Одно ядро, пролетѣвъ черезъ насъ, ударилось о скалу. По обыкновенію, всѣ приутихли и ждали разрыва. Но его долго не послѣдовало. Тогда одинъ смѣльчакъ полѣзъ на гору, взялъ ядро, и, припесни къ своимъ товарищамъ, сказалъ: «вотъ вамъ братцы гостинецъ отъ Шамиля Ивановича!»

Лежали мы на этой позиціи, ровно ничего не дѣлая, до двухъ часовъ дня. Въ два часа прошелъ мимо насъ 2-й баталіонъ ширванцевъ, потомъ 2-й баталіонъ дагестанцевъ, а потомъ потребовали и нашъ сводно-стрѣлковый баталіонъ.

Когда спускались мы къ тому мѣсту, гдѣ устраивали вчера мостъ, стрѣльба возобновилась со всѣхъ заваловъ и паносила намъ поридочный уронъ. На переправѣ, къ величайшей моей радости, увидѣлъ я переброшенный на ту сторону мостъ, сплетенный изъ веревокъ, шириною въ аршинъ. Съ этой стороны онъ прикрѣпленъ къ брусьямъ, придавленнымъ камнями, а на противоположной сторонѣ къ пещерѣ, въ которой дрались наши охотники. Онъ былъ почти готовъ, и саперы-молодцы бѣгали по немъ, не смотря на то, что онъ постоянно качался. Для того же, чтобы солдаты не падали въ рѣку, при насъ устраивали перила съ обѣихъ сторонъ, т. е. натянули крѣпко веревки и привязали ихъ къ мосту. А чтобы и самая плетенка не скручивалась, между веревками воткнуты были небольшіи хворостинки.

Какъ только окончилъ это приспособленіе, приказали переходъ

дять нашему баталіону. Для чего роты выстроили во фронтъ, и мы, поодиначкѣ, стали переходить, то есть, когда одинъ выходилъ на противоположный берегъ, то съ этого берега спускался на мостъ другой.

Первымъ перешелъ, очень бодро, нашъ командиръ полка и, ставъ на скалу, смотрѣлъ на переходящихъ. За нимъ прошла вся стрѣлковая рота, потомъ наша.

Я сталъ на плетенку смѣло и пошелъ впередъ. Ноги у меня скользили по веревкамъ и по хворосту; я все переваливался то вправо, то влево, но на половинѣ моста, отъ быстрого теченія, голова у меня закружилась, и мнѣ казалось, что, меня вмѣстѣ съ мостомъ, куда-то песуть волны... я остановился. Мой добрый ротный командиръ, перейдя впереди меня, кричалъ мнѣ: «идите! идите смѣлѣй!» Тогда я закрылъ глаза и ошупью побрелъ впередъ. Не помню, какъ я дошелъ на ту сторону; тамъ стояли офицеры и, подхвативши меня за руки, вытащили на скалу. Я пошелъ въ то мѣсто, гдѣ сидѣла уже у рѣки 1-я стрѣлковая рота.

Проходя черезъ пещеру, я удивился, увидѣвъ на ней столько отпечатковъ пуль. Всѣ камни были облиты черною густою кровью. Отъ печего-дѣлатъ, я киркою выбилъ на скалѣ: «17-го іюля 1859 года».

Я думалъ, что у меня только одного такая слабая голова, что закружилась на мосту; но у нѣкоторыхъ голова была еще слабѣе, и такихъ переводили саперы. Однорукаго же генералъ-маіора Ракусу перевязали веревкою и перепесли. За то хладнокровіе нѣкоторыхъ меня удивляло.

Переправы, такимъ образомъ, шла не очень быстро. На совѣтѣ рѣшили выйти нашему баталіону на гору, и тамъ ждать перехода остальныхъ баталіоновъ.

Уже смерклось, когда мы, по тропинкѣ, потянулись на гору. Тропинка была очень узкая; по обѣ стороны ея росъ болышникъ и царапалъ насъ жестоко. Въ насъ не стрѣляли мюриды. Только одинъ выстрѣлъ прогудѣлъ въ ущельѣ и все смолкло, словно всѣ уснули. Но старые кавказцы говорили, что это не передъ добромъ и что для насъ въ это время готовится «хорошая закуска».

Еще до выхода на гору, насъ развернутымъ фронтомъ, поротно, поставили вдоль оврага, такъ что ежели къ намъ подойдетъ непріятель, то мы въ темнотѣ можемъ увидѣть его и встрѣтить залпомъ.

Въ это же время переходили остальные роты 2-го баталіона

дагестанцевъ. Говорили, что мостъ былъ освѣщенъ разноцвѣтными фонарями; я этого не видѣлъ. Ночь была темная, но тихая и теплая.

18-го іюля 1859 года. Суббота.

Только начало разсвѣтать и можно уже было различать предметы, какъ насъ подвинули впередъ и построили въ ротныя колонны. Впереди баталіона рассыпали цѣпь отъ нашей роты и назначили съ нею меня. Правду сказать, не очень весело было идти впереди всѣхъ на штурмъ заваловъ. У меня крѣпко забилося сердце. Но долго разсуждать некогда было, и я скомандовалъ «маршъ». Молодцы мои прибавили шагъ и скоро очутились у заваловъ. Подбѣгаемъ къ нимъ, всякую секунду ждемъ залпа.... вотъ мы и у самыхъ заваловъ... по все тихо.... Наконецъ мы на завалахъ.... тамъ ни души. Потомъ пробѣжали еще нѣсколько укрѣпленій и, найдя тоже вездѣ пустоту, остановились на краю оврага.

Спустя нѣсколько времени, къ намъ подошелъ резервъ; командиръ полка приказалъ рассыпать цѣпь и не стрѣлять по непріятелю до тѣхъ поръ, пока онъ не начнетъ первый. Это было сдѣлано для того, что такъ какъ горцы пустили насъ безъ выстрѣла, то, вѣроятно, раздумали и хотятъ покориться.

Итакъ, мы выполнили заданную намъ главнокомандующимъ задачу какъ пельзя лучше: мы на правомъ берегу Койсу.

Удачу эту приписывали всѣ полковнику Радецкому, который не отступилъ, какъ хотѣлъ генералъ-маіоръ Ракуса, а со своими дагестанцами молодецки управился съ бурною рѣкою. При устройствѣ моста отличились также дежурный штабъ-офицеръ, подполковникъ Девель, и саперъ, подпоручикъ Ивановъ; всѣ трое получили за оказанныя отличія орденъ св. Георгія 4-й степени.

По полученіи приказанія отъ полковаго командира, я рассыпалъ въ цѣпь только половину своихъ людей, а другой половинойъ позволялъ лечь спать.

Рано утромъ, я перемѣнилъ людей въ цѣпи, и пошелъ осматривать мѣсто, гдѣ мы находились. Это было то мѣсто, по которому я стрѣлялъ 15-го іюля. Оно было укрѣплено валикомъ и рвомъ и въ немъ было безчисленное множество пуль различной величины. Тутъ были и мусульманскія маленькія, и круглыя, и Неслера, и бельгійскія, и новыя Минье. Поодаль валялись осколки гранатъ, и видно было, что пули валялись здѣсь недаромъ: не только на камняхъ, но и на землѣ и травѣ были слѣды засохшей черной крови.

Несмотря на то, что ровно сутки я ничего не ѣлъ, мнѣ крѣпко захотѣлось пить, и я послалъ по-воду. Мнѣ принесли котелокъ воды прямо съ рѣки Андійское-Койсу, въ которой вода была пенельнаго цвѣта и довольно густо смѣшана съ мелкою черною пылью. Впрочемъ, она была вкусна, безъ запаха, и доктора говорили, что вода эта даже очень здоровая.

На рѣкѣ же кипѣла работа. Молодцы-саперы, всѣ въ синихъ рубахахъ, какъ муравьи дѣлали мостъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ скала была сорвана и гдѣ берега сходились очень близко. Къ обѣду мостъ былъ готовъ; но лѣвый берегъ былъ такъ оборванъ Шамилемъ, что его скоро невозможно было исправить, а потому пока приставили двѣ большія лѣстницы, изъ которыхъ по одной поднимались, а по другой спускались.

Переправа черезъ Андійское-Койсу у Сугратли была въ нашихъ рукахъ; мостъ чрезъ рѣку саперы соорудили чуть-ли не въ два часа, но сдѣлать доступнымъ спускъ къ мосту съ лѣваго берега рѣки было не такъ легко. Работа требовала много рукъ, времени и матеріаловъ. За первыми не было остановки; матеріаловъ же было мало и саперы разбирали крытую галерею, бывшую на правомъ берегу рѣки, переносили брусъ на лѣвый берегъ и изъ сруба дѣлали спускъ къ рѣкѣ.

Войска въ это время отдыхали. Я, смѣнившись съ пикета, пообедалъ и пошелъ съ капитаномъ К^а купаться въ Койсу; но не успѣли мы спуститься къ мосту, какъ прибѣжалъ за нами солдатъ и сказалъ, что командиръ полка, съ двумя ротами, побѣжалъ на гору, гдѣ показались мюриды, и приказалъ намъ слѣдовать за нимъ.

Жара была невыносимая. Добѣжавъ до бивуака, я бросилъ сюртукъ; стрѣлки мои сдѣлали тоже, и мы поспѣшили въ ту сторону, гдѣ происходила стрѣльба и бѣлѣлись солдатскія рубахи. Добѣжали до мѣста тогда уже, когда роты, кончивъ перестрѣлку, лежали въ кустахъ за бугромъ.

Отдохнувъ, я подползъ къ товарищамъ и узналъ отъ нихъ, что довольно значительная партія горцевъ проѣхала неподалеку и спряталась въ оврагѣ; но она, какъ видно, пробирается къ ахъ-кептскимъ высотамъ и должна выхъать изъ этого оврага, а потому мы ожидаемъ ея появленія.

Пролежали мы за этимъ бугромъ болѣе часа, но ни одной души не видали, и полковой командиръ рѣшилъ оставить только одинъ взводъ, а съ остальными возвратиться на бивуакъ.

Остаться тамъ вызвался я; мнѣ дали взводъ 5-й стрѣлковой

роты, я расположилъ людей какъ только могъ удобнѣе. Я уже мечталъ, какъ отличусь и какъ побью мюридовъ, а главное — льстило моему самелюбію то, что мнѣ поручили, какъ мнѣ тогда казалось, такое важное дѣло.

Но всѣ мои мечты разлетѣлись впрахъ, когда я увидѣлъ отдѣлившіеся отъ отступающихъ ротъ двухъ адъютантовъ М*. и Б*. Они пристроились ко мнѣ и стали распоряжаться. Меня это сильно огорчило, и я, несмотря на мой маленькій чинъ, замѣтилъ имъ, что, ежели они хотятъ быть здѣсь и, въ случаѣ удачи, приписать себѣ все, то пусть, по крайней мѣрѣ, не мѣшаютъ моимъ распоряженіямъ.

Напрасно я огорчался. Все отличіе мое заключалось вотъ въ чемъ. Горцы, увидѣвъ, что войска возвратились на бивуакъ, вылѣзли изъ-за горы и стали выковыривать изъ земли наши пули. Ихъ было человекъ пять или шесть. Оборванные и несчастные ковыряли землю, а я, между-тѣмъ, приказалъ приготовиться къ стрѣльбѣ и ждалъ, пока они не спустятся пониже. Уже хотѣлъ я приказывать стрѣлять, какъ подавъ былъ мнѣ, изъ бивуака, сигналъ «стрѣлять». Въ числѣ горцевъ былъ, вѣроятно, бѣглый солдатъ, потому что они, услышавъ сигналъ, бѣгомъ скрылись за гору, и мои планы разстроились.

Сигналъ этотъ подалъ мнѣ баталіонный мой командиръ, который, возвратясь на бивуакъ, все смотрѣлъ въ подзорную трубу, не покажутся ли мюриды.

Адъютанты ушли и совѣтовали мнѣ тоже сдѣлать; но я пустился на хитрость и надулъ горцевъ вотъ какимъ образомъ:

Неподалеку отъ меня была рота на фуражировкѣ; она уже возвращалась домой. Я послалъ унтеръ-офицера попросить ротнаго командира, чтобы онъ съ ротою прошелъ по гребню горы, за которымъ я лежалъ. Хотя идти имъ было не по дорогѣ, но мою просьбу ротный командиръ исполнилъ, и я, при проходѣ ихъ, приказалъ своему горнисту сыграть отступление.

Видя идущихъ съ вязанками травы солдатъ, горцы думали, что это именно тѣ люди, которымъ приказывалось стрѣлять, и потому, не боясь уже никого, вылѣзли очень смѣло и подошли ко мнѣ шаговъ на 500. На этотъ разъ разъ никто мнѣ не мѣшалъ: половина людей, по моему приказанію, сдѣлала залпъ, а другіе стрѣляли рядами. Два человека покатались кубаремъ къ оврагъ, а остальные мгновенно скрылись за горою. Послать туда за убитыми я не рѣшился; я и безъ того далеко былъ отъ бивуака, а потому, собравъ обрадованныхъ удачею солдатъ, возвратился къ баталіону.

Тамъ явился къ полковому командиру, который, лежа съ геле-далъ-маіоромъ Ракусою въ тѣни огромныхъ камней, пилъ чай и разговаривали чрезъ переводчиковъ съ явившимися къ нимъ лазут-чиками.

Получивъ отъ послѣдняго благодарность за находчивость, я легъ спать при своей ротѣ и спалъ всю ночь какъ убитый.

Воскресенье 19-го іюля.

Отрядъ отдыхалъ. Работа по устройству спуска къ рѣкѣ подвигалась медленно, несмотря на старанія молодцевъ-саперовъ. Роты по-очередно ходили за хворостомъ и сдавали его саперамъ на подѣлку фашпинъ.

Сегодня первый разъ, по выступленіи изъ Мичикъ-Кальскаго ущелья, играли зорю съ церемонією, т. е. полнымъ хоромъ горнистовъ и барабанниковъ, по сю и по ту сторону рѣки.

Бивуакъ нашъ ничѣмъ не былъ укрѣпленъ; но наша позиція отъ природы была недоступна съ трехъ сторонъ, а съ четвертой стороны караулили секретъ и цѣпь часовыхъ. Все-таки намъ не позволялъ раздѣваться.

Понедѣльникъ 20-го іюля.

Узнавъ, что спускъ неготовъ и сегодня мы еще прожаримся на этой позиціи, я взялъ походныя холщевыя носилки, разложилъ ихъ на кустъ колючки и, спрятавшись подъ ихъ тѣнью отъ палящаго солнца, смотрѣлъ, какъ сапожникъ чинилъ мои сапоги, которые, несмотря на прочность товара, въ нѣсколько дней изъ новыхъ превратились въ дырявые, отъ острыхъ камней, по которымъ мы ходили всѣ эти дни.

Часу въ шестомъ или седьмомъ послѣ обѣда, всѣ войска посланы были за хворостомъ для саперовъ. Спустились мы въ оврагъ и начали рубить подъ-рядъ всѣ деревья и кустарники. Тутъ были и персики, и орѣхи, и груши, и каштаны, но все ложилось подъ солдатскимъ топоромъ. Хворосту натащили саперамъ цѣлую гору; намъ приказано было работать всю ночь, чтобы къ разсвѣту была готова насыпь для прохода кавалеріи и артилеріи.

Солдатамъ роздали сухари еще на три дня. Разложили костры и при свѣтѣ ихъ пошла укладка. Пользуясь суматохою, горцы подползли къ нашему бивуаку и сдѣлали залпъ изъ нѣсколькихъ ружей, но никого не ранили. Костры тотчасъ потушили, успиали секреты и цѣпь, и стрѣльба больше не повторялась.

Вторникъ 21-го июля 1859 года.

Въ 4¹/₂ часа утра выступили съ бивуака. День былъ ясный, тихій, какъ и всѣ предыдущіе дни. Впередъ проѣхала сотня мусульманскаго полка; потомъ прошелъ ширванскій баталіонъ; за нимъ 2-й баталіонъ дагестанскій, а въ арьергардѣ нашъ баталіонъ. Начальникъ летучаго отряда, генералъ-маіоръ Ракуса, и полковой командиръ нашъ, проѣзжалъ мимо баталіоновъ, здоровались съ ними, благодарили за молодецкую переправу и дарили каждый по ведру спирта въ каждую роту.

Пройдя не болѣе версты по ровной дорогѣ, мы повернули палѣво и пошли по тропинкѣ на крутую гору. Солнце поднялось и жгло безъ милосердія. Было душно какъ въ банѣ, а воды не было ни одной капли.

Вправо отъ насъ выѣхалъ одинъ мюридъ въ бѣлой папахѣ и джигитовалъ на своей маленькой горской лошадекѣ. Но, видно, ему досадно показалось, что на него не обращаютъ никакого вниманія: опъ слѣзъ съ лошади, сдѣлалъ въ насъ нѣсколько выстрѣловъ и опять сѣлъ на свою клычу. Баталіонный командиръ приказалъ моему ротному командиру спугнуть его. Посадили стрѣлковъ Кузьмина и Гржебелюка, и они, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, ссадили его съ лошади.

Тропинка, по которой мы поднимались, постепенно становилась круче и круче. Мы, несмотря на то что были въ рубахахъ, крѣпко устали—и отсталыхъ было немало.

Наконецъ вышли на площадку, поросшую кустарникомъ и густою травою. Здѣсь солдаты нашли фонтанъ холодной и чистой воды. Онъ забитъ былъ горцами, но его живо разработали шапцовымъ инструментомъ и пошла потѣха.

Каждому хотѣлось воды; всѣ стали толпиться къ фонтану. Пошла давка, за давкою ссора, а нѣкоторые, задыхавшіеся отъ жажды и усталости, употребляли, для продолженія къ фонтану дороги, даже мѣдные котелки, стегая ими тѣхъ, которые, набравъ воды, не отходили отъ фонтана, а тамъ же пили стол.

Мнѣ удалось попробовать изъ котелка драгоцѣнной влаги: она оказалась мнѣ превкусною и очень холодною.

Когда весь отрядъ напился, мы пошли влѣво, между чистымъ и большимъ лѣсомъ; вдали замѣтны были поперекъ дороги огромные завалы изъ бѣлаго камня, и проводники, увидя за ними множество мюридовъ, указали другую дорогу, правѣ этой, говоря, что та очень крута и ее никто не защищаетъ, а потому и возьмемъ ее безъ боя.

Впередъ послали двѣ роты Ширванскаго полка. Онѣ оставили свои вещи внизу и, съ перекинутыми за спину ружьями, пошли на гору.

Нашъ штабсъ-капитанъ К*, любившій спорить и обо всемъ разсуждать, доказывалъ, что на эту гору невозможно посылать войска, потому что крутизна ея была болѣе 60 градусовъ; по ширванцы, карабкаясь и хватаясь руками за деревья, добрались до вершины и заняли позицію безъ боя. За ними приказали идти и остальному отряду пѣхоты, а кавалерію и выюки послали еще правѣе, въ обходъ по тропѣ.

Такъ какъ мы были въ аріергардѣ, а передній отрядъ шелъ на крутизну разсыпавшись и очень медленно, то намъ приказано лечь отдохнуть подъ тѣнью соснового лѣса и, въ случаѣ нападенія непріятеля, отразить его и дать время собраться растянутымъ войскамъ.

Меня поразила слѣдующая картина. Командиръ Ширванскаго полка, полковникъ К*, шелъ при своихъ ротахъ и приказалъ вести лошадей сзади себя. Но, не доходя вершины горы, она поскользнулась и не могла удержаться на ногахъ. Раздался шумъ и трескъ.... я увидѣлъ какую-то черную массу, быстро стремящуюся внизъ. Это былъ трехсотъ-рублевый кабардинскій жеребецъ. Онъ дѣлалъ рикошеты по деревьямъ и слетѣлъ внизъ безъ внутренностей, съ переломленными ногами и ребрами. Азіатское дорогое сѣдло тоже было разломано въ куски; его собралъ фурштатъ и уложилъ на выюгъ.

Такой же участи подверглись еще три или четыре лошади: одна, ударившись послѣднимъ рикошетомъ спиною о дерево, даже разломалась на части. Жаль было смотрѣть на этихъ животныхъ, лежавшихъ безъ внутренностей, по стѣ открытыми и живыми еще глазами.

Паденіе лошадей не причинило солдатамъ никакого несчастія и никого не увлекло за собою. Они, вѣроятно, предвидя ихъ прогулку, попрятались за деревьями, которые, на этомъ крутомъ скатѣ, росли довольно толстыя и высокія.

Наконецъ и намъ приказано идти на гору. Мы рассыпались по лѣсу и, цѣпляясь руками за деревья, подвигались впередъ; но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, становились за дерево и отдыхали.

Котелки, фуражки, бутылочки со спиртомъ и другая мелочь отзывалась и летѣла внизъ съ грохотомъ и шумомъ. Раздавались крики: лови, лови! берегись! и вещи эти ловили ниже-идущіе солдаты и передавали по принадлежности, за исключеніемъ спирта, который, вѣроятно отъ сильной жары, испарялся мгновенно.

Все пространство между деревьями было усыпано сосновыми шишками и иглами, а потому идти было очень трудно. Нѣкоторые

снимали даже сапоги и шли босикомъ. Пройдя шаговъ 800, я выбился изъ силы. Стрѣлокъ Жанталай далъ мнѣ глотокъ спирту, говоря, что отъ этого человѣкъ стоповится бодрѣе; но, вмѣсто бодрости, я хуже прежняго раскисъ и еле-еле подвигался впередъ.

Подъемъ былъ длиною не болѣе двухъ верстъ, но всѣмъ намъ показался онъ болѣе 25. Выйдя на гору, мы всѣ легли отдыхать. На вершинѣ горы не было лѣсу, а потому солнце жгло насъ безнаказанно, и хотя бы малѣйшій вѣтерокъ освѣжилъ насъ: мы были словно въ банѣ.

Изъ лѣсу люди вылезали поодиночкѣ и присоединялись къ своимъ частямъ. Мусульмане, направленные по тропѣ въ объѣздъ горы, успѣли уже вѣхаться на нее и слѣдовали мимо насъ.

Воды не было, а жажда мучила страшно. Одинъ мусульманскій офицеръ, проѣзжая мимо солдатъ, кричалъ: «ребята, дай мнѣ маперку воды, дамъ три рубля»; но солдаты отвѣчали ему: «сами бы сложились да купили, а не то что продавать будемъ».

Когда всѣ взошли на гору, мы подпились и направились къ той сторонѣ, гдѣ утромъ видѣли бѣлые завалы. Тропа, которая шла по самому гребню горы, была въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шириною не болѣе одной четверти аршина. Правая сторона горы была луговая, по мѣстамъ торчали камни бѣлаго плитняка, и такъ была крута, что невозможно было смотрѣть внизъ; внизу же, какъ гнѣзда ласточекъ, видѣлись небольшіе хутора съ садами. Я не могъ смотрѣть на нихъ долго и все придерживался лѣвой стороны, которая была немного отложе и поросла лѣсомъ, такъ что въ случаѣ, ежели бы, поскользнувшись, я упалъ, то, совершая путешествіе по лѣсу, могъ бы зацѣпиться я уцѣлѣть, а если бы попалъ направо, то и костей не нашли бы.

Ширванцевъ съ мусульманами послали впередъ, взять высоты, за которыми торчали два значка, что означало только двѣ сотни мюридовъ. Ширванцы пошли молодцами. Приблизясь къ горѣ, крикнули ура!... раздался залпъ мюридовъ, потомъ пошло щелканье орѣховъ, но вскорѣ все утихло, а мы, забывъ усталость, прибавили шагъ, чтобы поспѣть на помощь. Прискакавшій всадникъ сказалъ, что мюриды скрылись, и что отъ ихъ залповъ никого не только не убили, но даже не ранили. Говорили послѣ, что жители не хотѣли драться съ русскими, но ихъ заставляли старшины и мудлы, а потому и залпъ сдѣлали по приказу, то есть па-вѣтеръ.

Когда сказали намъ, что мюриды ушли, слѣдовательно не будетъ и свалки, куда дѣвалась наша бодрость!... Всѣ опять развсили и еле-еле двигались. Вотъ, подошли къ тому мѣсту, гдѣ

кричали шпрванцы ура! Опп, бѣдняжки, въ такой зной бѣжали па гору, и выбились изъ силъ до того, что лежали теперь по обѣ стороны дороги словно мертвые, съ блѣдными вытянутыми лицами. Тутъ—же лежалъ, растянувшись на буркѣ, и молодой ихъ медикъ; офицеры лежали между солдатами, всѣ истощенные; у всѣхъ на глазахъ какъ бы написано было: дай напитокъ. Мы прошли мимо ихъ и слѣдовали все дальше и дальше, чтобы выбрать удобную позицію для стоянки всего дагестанскаго отряда.

Я съ утра ничего не ѣлъ, а потому мнѣ сдѣлалось дурно, отсталъ отъ роты и шелъ съ прапорщикомъ Игнатовичемъ. Уже вечерѣло, а мы все шли да шли. Наконецъ и солнце скрылось, а авангардъ не останавливался; впрочемъ, только третья часть отряда шла при своихъ мѣстахъ, остальные же двѣ трети разбрелись и искали воды. Наконецъ кто-то набрелъ на ручеекъ, и эта вѣсть разнеслась далеко; со всѣхъ сторонъ, прибавя шагу, тянулись отсталые и пили отрядный напитокъ. Я выпилъ нѣсколько глотковъ и, взявъ у знакомаго солдата нѣсколько сухарей, первый разъ сегодня закусилъ ими. Они показались мнѣ вкуснѣ всякаго пирожнаго. Мой попутчикъ Игнатовичъ сдѣлалъ тоже. Отдохнувъ немного, мы потянулись къ баталіону.

Неподалеку отъ насъ авангардъ остановился, собралъ хоръ горпистовъ и барабанщиковъ, и они, не переставая, играли сборъ, по которому всѣ отсталые собирались.

Вмѣсто знойнаго дня наступила теперь прехолодная почъ, а у насъ не было по только въюковъ съ вещами, по и деньщики наши съ сюртуками еще не прибыли, такъ что мы, въ рубахахъ, дрожали порядкомъ. Я легъ въ несошеномъ еще ячменѣ, и тѣмъ, хотя отъ вѣтру, защитилъ себя.

Часу во второмъ ночи пришли наши въюки, я надѣлъ полушубокъ и, закусивши сала съ сухарями, уснулъ мертвымъ сномъ.

Товарищи мои, раньше меня пришедшіе, говорили, что старшины окрестныхъ ауловъ пріѣзжали къ генералъ-маіору Ракусѣ и увѣрили его, что они никогда бы не дрались, если бы не принуждалъ ихъ Шамиль. Въ заключеніе объявили, что жители аула Ахъ-Кента, близъ котораго мы теперь находимся, и Бетля, со всѣми своими семействами и имуществомъ, по приказанію Шамия, увѣрившаго, что русскіе ихъ всѣхъ перерѣжутъ, попрятались по скаламъ и лѣсамъ, по что они, увидѣвъ ласковый пріемъ и узнавъ, что на нихъ не сердятся, поспѣшатъ собрать жителей обратно въ аулъ.

Среда 22-го іюля.

Ночью выпала сплыная роса; походныя сапоги сдѣлались совершенно мокры. Проснувшись, я осмотрѣлъ мѣсто нашего расположенія и согрѣвался чаемъ. Кругомъ насъ были или поля засѣяныя хлѣбомъ, или плоскія возвышенности поросшія травою, и только къ западу виднѣлся лѣсъ, а правѣ его аулъ Ахъ-Кентъ.

Несмотря на раннее время, мюриды уже толпились около генералъ-маіора Ракусы. Они пѣзвивляли свою покорность; генералъ припималъ ихъ очень ласково.

Не забуду я трогательной встрѣчи одного мюрда съ роднымъ братомъ, служившимъ въ нашей милиціи. Они, увидя одинъ другаго, бросились въ объятія и долго цѣловались, что то приговаривая; потомъ, отступя нѣсколько шаговъ, любовались одинъ на другаго и, обнявшись, пошли отъ насъ и скрылись въ толпѣ.

Намъ говорили, что мы долго простои́мъ на этой позиціи, и всѣ радовались отдыху на ровной мѣстности; но часу въ девятомъ утра палки на барабанѣ протрещали подъемъ, потомъ сборъ и опять потянулись на гору. Несмотря на вчерашнюю усталость, сегодня, при подъемѣ на высоты, послѣ холодной и сырой ночи, всѣ чувствовали себя довольно хорошо, и даже пѣсеники, идя на гору, пѣли не утомляя.

Пройдя мѣсто пустаго аула Ахъ-Кента, мы повернули направо и пошли между хлѣбами. Дорога и поля были усыпаны мелкимъ и частымъ щебнемъ; несмотря на то, ячмень былъ очень густой и вышиною въ поясъ. Бобы уже поспѣли, и мы ими лакопились, не слушая запрещенія дежурныхъ.

Пройдя бобами и хлѣбами верстѣ восемь, мы вошли на гору, и тамъ приказано было намъ лежать, а отрядъ кавалеріи спустился внизъ и направился на виднѣвшійся въ нѣсколькихъ верстахъ хорошенькій аулъ Бетль. Кругомъ его поля; внутри огромные сады.

Говорили, что генералъ поѣхалъ туда выбрать удобное мѣсто для расположенія всего дагестанскаго отряда. Мѣсто, гдѣ мы почевали, не было удобно для кавалеріи; но и здѣсь не нашли лучше, и кавалерія присоединилась къ намъ.

Отойдя отъ этого привала версты двѣ, мы построились въ батальонныя кодоны и легли, ожидая пріѣзда командующаго войсками.

Въ двѣнадцать часовъ показалась, со стороны бѣлыхъ заваловъ, кавалерія и мчалась прямо на насъ. Это былъ командующій войсками При-Каспійскаго Края, генералъ-адъютантъ баронъ Врангель, со свитою. Мы стали впереди ружей, въ рубахахъ и въ бѣлыхъ шапкахъ, и онъ, подскакавъ къ намъ и поздоровавшись своимъ звучнымъ голосомъ,

проговорилъ: «Спасибо, молодцы! я вами очень доволенъ и постараюсь наградить за ваши тяжелые труды и молодецкую службу!» Потомъ вызвалъ впередъ насъ и благодарилъ за взятіе переправы и вчерашнихъ высотъ.

Послѣ этого отдали приказаніе идти на ту позицію, гдѣ мы вчера почевали, и тамъ расположиться на бивуакахъ. Офицеръ генеральнаго штаба указалъ намъ мѣсто, и мы расположились на бугоркѣ. Потомъ пришли къ намъ войска, бывшія въ резервѣ и не участвовавшія въ дѣлѣ на переправѣ; они заняли мѣста такъ, что штабъ командующаго войсками былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ войсками.

Съ разсвѣтомъ пріѣхалъ и полковой священникъ Апшеронскаго полка, Лстробовъ. На него особенно обращали вниманіе горцы: онъ ѣхалъ въ своей одеждѣ, и, какъ подобаетъ духовному лицу, не на лошади, а на довольно большомъ катерѣ.

Выюки съ палатками шли сзади отряда, а потому и не прибыли къ намъ до поздней ночи. Только внутри бивуаковъ красовались палатки; у насъ-же и баталіонные командиры стали на открытомъ воздухѣ.

Часу въ пятомъ дня пріѣзжали къ командующему войсками почетные жители и онъ принималъ ихъ вотъ какимъ образомъ:

Впереди палатки, въ походномъ креслѣ, сидѣлъ баронъ Врангель, по одну сторону сидѣлъ начальникъ штаба генералъ-маіоръ князь Святополкъ-Мирскій (нынѣ помощникъ главнокомандующаго кавказскою арміею), а по другую адъютантъ главнокомандующаго, капитанъ Фадѣевъ. Сзади и по бокамъ огромная свита, состоявшая изъ адъютантовъ, чиновниковъ и переводчиковъ. Впереди генерала, полукругомъ, сидѣли на корточкахъ почетные жители, одѣтые довольно прилично, съ жиденькими бородами, и по срединѣ держали значекъ, изъ простаго розоваго узорчатаго ситца, съ нашивотою бѣлою луною.

Я стоялъ поодаль и не слышалъ разговора ихъ, а только наблюдалъ за ихъ физіономіями. Они старались быть солидными: говоря какъ будто приподымались и прикладывали руку къ сердцу.

Когда аудіенція была окончена, аварцы вручили барону Врангелю знамя, а сами быстро встали и пошли въ отведенную для нихъ палатку, гдѣ ихъ приказано угощать.

Мой кунакъ, житель аула Черкѣя, поручикъ Физилла, говорилъ мнѣ, что они пріѣзжали просить русскаго покровительства и защиты отъ Шамиля.

Вечеромъ, дѣйствительно, отдано приказаніе двумъ баталіонамъ

Апшеропскаго полка, взводу артилеріи и двумъ сотнямъ милиціи слѣдовать къ аулу Хунзаку.

Ночью пошелъ дождь и промочилъ насъ насквозь. Я пробовалъ укрыться ковромъ, но это не помогло.

Подобное неудобство казалось, однако, намъ пустяками въ сравненіи съ тѣмъ, что переносили мы въ два предшествующіе знойные дня.

Четвергъ, 23-го іюля.

Съ разсвѣтомъ, нашу 5-ю стрѣлковую и 17-ю роты послали сунуться, то есть выдвинули на гору на пикеты, для прикрытія фуражировъ и пасущагося табуна лошадей.

Взошло солнце и пригрѣло насъ. Солдатки спяли полукафтаны и развѣсили сушить; потомъ пошла чистка и смазка ружей. Я позволялъ одного стрѣлка и приказалъ сальною тряпчикою смазать себѣ носъ и щеки. Онъ исполнилъ приказаніе и замѣтилъ, что и у солдатъ на эту операцію выходитъ болѣе сала, чѣмъ на смазку ружей. У нихъ, несмотря на грубую кожу, тоже все лицо было въ пятнахъ отъ зноя.

Я, со взводомъ, лежалъ отдѣльно отъ ротнаго командира, а такъ какъ мѣстность была очень открыта и не могло предвидѣться нечаяннаго нападенія, то я пошелъ къ далеко отъ меня расположенной 17-й ротѣ. Командиръ роты былъ старый и опытный кавказецъ и запасся брезентомъ, изъ котораго теперь сдѣлалъ отличный навѣсъ отъ солнца. Я пріютился около него.

Въ 12 часовъ пришли двѣ другія роты нашего баталіона и смѣнили насъ съ пикетовъ.

Палатки наши были разбиты въ наше отсутствіе, и мы, объѣдавъ первый разъ за весь походъ, легли подъ тѣнью палатки на застланной душистой травѣ.

Въ 5 часовъ заиграла въ штабѣ ширванская полковая музыка, вышли со всѣхъ ротъ на линейку пѣсеники, и въ лагерь подпился такой шумъ—хоть вонъ бѣги.

Сегодня тоже пріѣзжали депутаты изъ многихъ ауловъ. Говорили, что даже грозные Гимры, Араканы, Зыряны и Удлу-Кала присылали своихъ депутатовъ. Но мы надобно смотрѣть на нихъ, и я отправился на базаръ, собранный неподалеку лагеря.

На базарѣ этотъ жители аула Ахъ-Кента, возвратившіеся изъ лѣсовъ, вынесли продавать яблоки, сырыя кожи, горское сукно, также вывели лошадей, быковъ и барановъ. Видно, имъ поправилось наше золото и серебро: на базаръ пришли не только мужчины, но и звѣ-

роподобныя жепщицы, закутанныя въ свои грязныя и порванныя чадры.

Суббота, 25-го іюля.

Собрали Дагестанскій полкъ, построили въ баталіонныя колонны, и полковой командиръ прочелъ приказъ по арміи слѣдующаго содержания.

«Приказъ по кавказской арміи отъ 21-го іюля за № 239.

«Войска дагестанскаго отряда! Вы храбро заняли переправу на Койсу, и тѣмъ блистательно исполнили мое желаніе; благодарю васъ отъ всего сердца за вашъ подвигъ.

«Главкомапдующій генералъ-адъютантъ князь Барятинскій. Лагерь при озерѣ Ретло, въ Андін».

Солдаты, отъ радости, безъ команды прокричали ура! Потомъ подковникъ отъ себя благодарилъ солдатъ. Полкъ былъ въ такомъ настроеніи духа и такъ любилъ полковаго командиру, что если бы онъ приказалъ что-либо сдѣлать, то, не задумавшись, пошли бы на какую угодно опасность.

Воскресенье, 26-го іюля.

Былъ церковный парадъ.

По окончаніи благодарственнаго молебна, командующій войсками вызвалъ впередъ отличившихся. Вышло 18 дагестанцевъ, одѣтъ артиллеристъ и шесть всадниковъ мусульманскаго полка. Въ числѣ послѣднихъ былъ юноша лѣтъ пятнадцати, не болѣе.

Генералъ бралъ у адъютанта кресты и самъ прикалывалъ ихъ къ груди храбрецамъ. Кочетковъ получилъ золотой крестъ, т. е. 2-й степени, а остальные 4-й степени; два мусульманскихъ всадника, въ числѣ которыхъ былъ и юноша, получили серебряныя медали съ подписью «за храбрость».

Горцы приносили свои продукты не только на базаръ, но даже заходили съ пшеницею въ наши палатки. Мой товарищъ, прапорщикъ Г. Б., зналъ ихъ языкъ и разговаривалъ съ ними довольно свободно. Одинъ изъ жителей, видно болтливый, между новостями сообщалъ ему, что у нихъ всѣ говорятъ, будто русскіе вояты дружбу съ чертями, что хотя онъ и по вѣритъ этому, но все-таки является у него подозрѣніе, ибо безъ чертовой помощи невозможно, по пятипутному канату, пробѣжать тремъ тысячамъ человѣкъ въ одну почку. Спрашивалъ также, откуда у насъ такія ружья, что бьютъ такъ далеко, а главное такою большою пулею, въ которой есть свинецъ и кусокъ желѣза;

говорилъ, что одному его знакомому такая пуля попада въ руку и переломила всю кость. Прежнихъ ружей горцы не боялись, потому что изъ нихъ солдаты стрѣляли очень плохо, особенно въ дождикъ, и тогда можно было броситься въ шашки, а теперь и носа высунуть изъ заваловъ не позволяютъ.

Вечеромъ отданъ приказъ по отряду — съ разсвѣтомъ выступать. Никто не зналъ куда идемъ: одни говорили навстрѣчу главнокомандующему, а другіе, что аварцы просятъ идти въ ихъ край.

Понедѣльникъ, 27-го іюля.

Солнце еще не показалось, а мы были уже въ движеніи. Дорога шла пока ровная и пролегала по каменистому грунту. Вблизи не было ни одного кустика, ни одного дерева; даже трава росла клочьями и похожа была на мохъ.

Въ нѣсколькихъ перстахъ отъ бывшей пашей стоянки нагнали насъ двое татаръ. Я спросилъ ихъ что-то и удивился, когда они отвѣтили мнѣ чистымъ русскимъ языкомъ и очень ласково.

Оказалось, что одинъ изъ нихъ былъ житель аула Черхата, въ 1839 году взятъ при штурмѣ Ахульго въ плѣнъ, и находился въ бобринскихъ и кронштадтскихъ арестантскихъ ротахъ, и только недавно возвращенъ на родину, въ числѣ выкупа за подполковника Кобіева.

Онъ говорилъ, что идетъ теперь къ пашему начальнику съ вѣстіемъ, что въ аулъ Черхатъ, около котораго мы переправились чрезъ Андійское-Койсу, пріѣхалъ отъ Шамилъ мюридъ съ бумагою, въ которой приказывалось старшинѣ собрать жителей идти къ аулу Аргуани и истребить оставленный тамъ, для прикрытія вагенбурга, баталіонъ. Старшина и жители согласны на это дѣло; но онъ, татаринъ, любя русскихъ, убѣждалъ тайкомъ, далъ уже знать командиру баталіона и теперь идетъ къ начальнику отряда сообщить о томъ и просить принять его въ копно-мусульманскій полкъ.

Спутникъ этого татарина былъ солдатъ Житомирскаго полка, попавшійся въ плѣнъ въ 1844 году. Онъ говорилъ по-русски хуже своего товарища-татарина, и меня удивило, какъ можно, въ пятнадцать лѣтъ, забыть родной языкъ. Онъ несъ барону Врангелю двѣ торбы самородной сѣры, которой, по его словамъ, безчисленное множество валяется въ кускахъ около аула Черхата. Въ другой рукѣ былъ у него кувшинъ масла.

Наша рота шла въ головѣ аріергарда. Войдя на каменистую гору, насъ остановилъ сигналъ, подаанный въ хвостѣ. Оказалось, что

полковая лошадь оступилась и, съ двумя патронными ящиками, полетѣла въ пропасть. Чтобы патроны не достались горцамъ, облегчили нѣсколько солдатъ и послали обходными тропками на дно пропасти; они нашли тамъ обломки желѣзныхъ патронныхъ ящиковъ и только до 600 патроновъ; остальные размялись и затерялись въ скалахъ. Лошадь разбилась о скалы въ дребезги.

Пока лазили за патронами, я срисовалъ Унцукульское ущелье. Оно мнѣ очень понравилось. По ущелью расположены аулы Унцукуль, съ богатѣйшими садами, и Харачи, жители котораго, въ числѣ 20, были перебиты въ пещерѣ на переправѣ. Вблизи ауловъ вьется змѣею рѣка Аварское-Койсу, и далеко видѣтъ блескъ ея волнъ.

Тутъ случился одинъ татаринъ, отъ котораго я узналъ, что семейство Шамиля до недавняго времени жило въ аулѣ Харачи или Харачаѣ, но когда мы заняли Ахъ-Кентъ, Шамиль увезъ его дальше, полагаятъ на гору Гунибъ-Дагъ. Гора эта, по словамъ его, неприступная со всѣхъ сторонъ; туда можно взобраться только по тропинкѣ, противъ которой старшина Гуппа сдѣлалъ каменную стѣпу и положилъ большое чугунное орудіе, за которое аулъ заплатилъ Шамилю сто барановъ. На горѣ этой есть и лѣсъ, и вода, и большіе табуны, такъ что ежели Шамиля туда пустятъ жители, то мы ни за что не поймемъ его, и голодомъ не заморимъ, ибо у нихъ всего вдоволь.

Въ два часа пополудни, прошли мы чрезъ грязный аулъ Цатапыхъ или Сатаныхъ. Сакали въ немъ высокіи, изъ темпосѣраго камня, и пештукатурены. Почти половина аула съ разоренными крышами и безъ заборовъ. Говорили, что Шамиль нѣсколько разъ разорялъ его за ослушаніе жителей.

Въ этомъ аулѣ погибъ нашъ гарнизонъ въ 1843 году.

Пройдя за аулъ не болѣе версты, намъ приказано отдыхать. Камни съ обрушившейся горы лежали величиною съ добрую мужицкую избу, и подъ тѣнью ихъ мы отдыхали и закусывали.

Съ привала стали подниматься на крутую гору, поросшую болотною травою. Здѣсь развьючили двѣ полковыя лошади и бросили ихъ на съѣденіе волкамъ, потому что онѣ, отъ усталости или отъ болѣзни, не могли идти съ нами.

Выйдя на гору, мы прошли по равнинѣ версты три или четыре, но потомъ опять спускъ, опять подъемъ на каменистую бѣлую гору, изъ утеса которой билъ фонтанъ въ подставленное каменное корыто. Влѣво отъ фонтана видѣлся аулъ: его одни называли Че, а другіе Шагода, съ отличными, засѣянными хлѣбомъ, полями.

Вечеромъ мы спустились въ Мочокское ущелье и присоединились къ стоявшему тамъ отряду.

Палатокъ не приказано было разбивать, потому что давалось отдохнуть лишь нѣскольکو часовъ.

Ночь была очень холодная; дулъ вѣтеръ со стороны снѣговыхъ горъ, которые отъ насъ были въ нѣсколькихъ переходахъ.

Вторникъ, 28-го іюля.

Разбудили насъ до разсвѣта; холодъ былъ невыносимый; мы прыгали, грѣлись, но ничего не помогало, и только взошедшее солнышко, захватившее насъ еще на мѣстѣ, пригрѣло порядкомъ.

Войдя на гору, мы увидѣли огромную зеленую равнину: жители называли ее Хунзакскимъ панбствомъ. Кромѣ главнаго аула Хунзика, бывшаго нѣкогда столицею аварскихъ хановъ, были разсыпаны по всей плоскости небольшіе аулы. Лѣсу не было видно ни одного деревца; даже кустиковъ незамѣтно. За то вся плоскость вспахана и засѣяна хлѣбами. На равнинѣ этой видѣлось озеро и протекало нѣсколько ручейковъ.

Съ этой горы показывали мнѣ гору Тилитляпскую, или Чемоданъ-гору. Правѣе ея лежалъ аулъ Тилитль, замѣчательный по штурму Фези въ 1837 году, а кругомъ горы, внизу, были сады. Говорили, что Тилитль сильно укрѣпленъ, и нѣкоторые даже простымъ глазомъ видѣли укрѣпленіе; но я рѣшительно ничего не могъ видѣть, кромѣ груды камней, похожихъ на аулъ.

Спустившись на долину, мы пошли между хлѣбами вышиною чуть не въ ростъ человека. Потомъ прошли мимо аула Танусе, на Гоцалохъ, и миновавъ аулъ Ахатлю, стали подыматься на гору. Здѣсь былъ конецъ Хунзакской равнины.

Подъемъ становился часъ отъ часу все круче и круче, немногіе стали отставать; но баронъ Врангель приказалъ прибавить шагъ и нашъ баталіонъ, слѣдовавшей съ привала въ авангардѣ, отделился впередъ и словно летѣлъ на выручку погибавшимъ товарищамъ.

Пройдя еще нѣсколько верстъ, мы увидѣли груды массивныхъ камней, казавшихся разореннымъ ауломъ; изъ-за камней выѣзали человѣческія фигуры... Мы думали, что на этихъ-то господъ и ведетъ насъ генералъ; но, подойдя ближе, стали различать красные воротники: это были апшеронцы, раньше насъ вышедшіе изъ ахъ-кентскаго лагеря и расположившіеся бивуаками за природными каменными завалами.

На площадкѣ, выше апшеронцевъ, насъ остановили и приказали

расположиться на ночлегъ. Спусти нѣсколько часовъ пришли и наши выюки на позицію, но палатокъ не приказано разбивать. Дровъ здѣсь не было и роты покупали хворостъ по баснословнымъ цѣнамъ: за охапку хвороста, уложеннаго на небольшомъ эшафѣ, платили отъ 1 руб. 20 до 1 руб. 60 коп.

Ночью пріѣхали къ барону Врангелю лазутчики, и онъ, сообразивъ ихъ донесенія, назначилъ летучій отрядъ подъ командою генераль-майора Ракусы. Въ составъ этого отряда поступилъ 18-й стрѣлковый баталіонъ, нашъ сводный и 2-й Дагестанскаго полка. Намъ приказано до разсвѣта выступить въ походъ.

Среда, 29-го іюля.

И такъ, вмѣсто того, чтобы идти навстрѣчу главнокомандующему, мы идемъ, какъ болтали солдаты, ловить Шамиля.

Спустившись внизъ, по вчерашней дорогѣ, къ аулу Ахатлю, мы повернули направо по равнинѣ, и къ полудню вошли въ разоренный аулъ Хунзахъ (нынѣ штабъ-квартира кавказскаго линейнаго № 15-й баталіона), бывший нѣкогда столицею аварскаго хана. Я думаю, что столица хана будетъ похожа хотя на нашъ губерпскій городъ, но нашелъ ее хуже самаго послѣдняго аула. Уцѣлѣвшія сакли торчали между развалинами, безъ заборовъ и пристроевъ. Жители походили на пищихъ, оборванцы, несчастные; женщины, по обыкновенію, прятались отъ пастъ, а дѣти, совершенно нагія, бѣгали кругомъ сакель или выглядывали изъ-за угловъ.

Жители встрѣчали насъ очень радушно. Нѣкоторые немного говорили по-русски, и отъ одного старика я узналъ, что Шамиль недавно ихъ ограбилъ и разорилъ много сакель.

Этотъ же старикъ показалъ мнѣ мѣсто, гдѣ была наша крѣпость. Слѣды стѣнъ еп еще видѣлись, а на мѣстѣ крѣпости было нѣсколько отдѣльныхъ памятниковъ; по краямъ дороги тоже торчали огромныя плиты. На плоской сторонѣ этихъ плитъ, обращенной къ дорогѣ, было вытѣчено безчисленное множество ружей, кинжаловъ, шашекъ, головъ и ногъ человѣчыхъ, а на одной изъ нихъ даже вырѣзана медаль. Сзади памятниковъ воткнуты были въ землю шесты, вышиною отъ четырехъ до пяти сажень; на верху ихъ висѣло множество трипокъ бѣлаго и краснаго цвѣта, на подобіе морскихъ флаговъ. Отъ одного изъ жителей мы узнали, что здѣсь похоронены наибы, которыхъ убили русскіе въ салатавскомъ походѣ 1857 года, близъ Дылыма. Флаги означаютъ, что они были джигиты,

*

а высьчки на памятникѣхъ показываютъ, сколькохъ каждый изъ нихъ убилъ и какое приобрѣлъ отъ убитыхъ оружіе.

Пройдя аулъ и оврагъ за нимъ паходящійся, мы стали подниматься на каменную гору. Дорога была узкая; по краямъ ея лежали камни, вѣроятно землетрясеніемъ сдвинутые съ вершинъ горъ. Потомъ прошли полутопель, длиною около 200 шаговъ, и, повернувъ около разоренной сторожевой башни вправо, стали спускаться внизъ.

Солнце уже сѣло, взошла луна, а мы все идемъ и идемъ, безъ привала.

Мы слѣдовали въ арьергардъ съ самаго ночлега. Дорога въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была совершенно испорчена, и для поправки ея отрядъ безпрестанно останавливался; мы такъ измучились постоянными задержками, что едва стояли на ногахъ.

Передъ разсвѣтомъ увидѣли огоньки внизу протекавшей рѣчки и отблескъ луны въ водахъ. Это былъ нашъ авангардъ, расположенный на берегу Аварскаго-Койсу. Тамъ уже отдыхали и варили себѣ пищу, а мы все еще идемъ, и много еще предстояло идти до авангарда.

Но вотъ и солнце взошло и пригрѣло насъ порядкомъ, а мы все спускаемся, какъ черепаха. Сдѣлаешь шаговъ двадцать пять, и стой, пока дальше не разчистятъ дорогу.

Часу въ седьмомъ присоединились наконецъ къ отряду и, какъ убитые, завалились спать.

Но не успѣлъ я вздремнуть, какъ раздался громъ барабановъ: генераль-маршъ возвѣстилъ намъ о скоромъ движеніи. Хорошо отдохнухъ послѣ безсонной ночи....

Солдаты уже зашевелились и стали приготовляться къ выступленію. На наше счастье показалась довольно большая партія горцевъ, очень опрятно одѣтыхъ, и спросивъ, гдѣ генераль, поѣхали въ палаткѣ, которую уже приготовлялись снимать для укладки на выюки.

Я пошелъ посмотрѣть на приѣзжихъ. Они остановились около палатки генерала Ракусы; нѣсколько удалцовъ, сосочивъ съ лошадей, разостлали бурку и, съ подобострастіемъ, спили съ лошади почтеннаго старца лѣтъ шестидесяти. У него была большая красная борода, повязка на папахъ отличалась отъ тѣхъ повязокъ, которыя носятъ хаджи, т. е. бывавшіе въ Меккѣ, тѣмъ, что сзади висѣлъ огромный копецъ въ родѣ полотенца. На немъ была череска темносиняго сукна.

Онъ сѣлъ на буркѣ, поджавши подъ себя ноги, и послалъ доложить о себѣ генералу. Генераль пригласилъ его къ себѣ въ па-

латку и, усадивъ на походномъ стулѣ, поилъ чаемъ и разговаривалъ съ помощію своего переводчика.

Это былъ любимецъ народа, ученикъ и зять Шамиля — Кибитъ Магома, проживавшій въ неприступномъ аулѣ Тилитль. Онъ пріѣхалъ къ начальнику отряда изъяснить, отъ лица всего народа, покорность русскому правительству.

Отъ военнаго переводчика, хоружаго Т—ва, узналъ я, что Кибитъ-Магома очень ученый человекъ и считается высшею духовною особою въ Дагестанѣ. Шамиль, видя, что народъ такъ уважаетъ Кибитъ-Магому, и боясь его, приказалъ посадить его въ яму, въ которой онъ просидѣлъ нѣсколько лѣтъ; но теперь, при приближеніи нашихъ войскъ и не боясь уже Шамиля, жители выпустили Кибита изъ ямы и уполномочили быть посредникомъ между народомъ и нашимъ правительствомъ.

По окончаніи переговоровъ, Кибитъ-Магома вышелъ изъ палатки и, попрощавшись очень величественно съ генераломъ, поѣхалъ, окруженный всадниками.

Съ отдыха, мы потянулись вдоль лѣваго берега Аварское-Койсу. Нашъ баталіонъ шелъ въ авангардѣ.

Пройдя не болѣе 1½ или 2 верстъ, мы подошли къ небольшому аулу Голоть.

Мостъ чрезъ Аварское-Койсу былъ устроенъ здѣсь на топкихъ перекладныхъ; по обѣимъ концамъ стояли громадныя каменные ворота, съ башнями наверху. Когда мы вошли на мостъ, то онъ такъ качался, что мы думали вотъ-вотъ провалимся. Особенно опасались за горную артилерію. Нѣкоторые даже говорили, что жители, вѣроятно, устраиваютъ засаду и хотятъ насъ уничтожить. Да, и въ самомъ дѣлѣ, что бы мы могли сдѣлать, еслибы горцы вздумали взбунтоваться и напасть на насъ съ двухъ сторонъ. Насъ только три баталіона; отступить по вчерашней дорогѣ невозможно—тамъ бы насъ раздавили камнями, какъ мухъ; пробраться дальше къ Тилитлю тоже мало было надежды; помощи ждать не откуда: оставалось одно—погибнуть со славою.

Авангардъ, пройдя мостъ, остановился и намъ приказано было быть готовымъ къ перестрѣлкѣ. Мы ждали, пока весь отрядъ со вьюками перешелъ на правый берегъ рѣки; все кончилось благополучно; никакаго нападенія не было.

Къ вечеру добрались до подошвы Тилитлинской горы, и здѣсь приказано было остановиться.

Суббота, 1-го августа.

Вотъ уже второй день стоимъ мы лагеремъ подъ горою Тиллти. День сегодняшній и вчерашній стояли ясные, и мы, просушившись сами, высушили и свое имущество. Въ ротахъ раздаются пѣсни, идетъ стирка ружей и смазка высушенныхъ сапогъ. Мы выпалили порядкомъ за всѣ безопныя ночи.

Приѣхалъ командиръ дагестанско-коппо-ирегуларнаго полка, полковникъ князь Чавчавадзе, съ частью всего полка, а за нимъ ротмистръ Ибрагимъ-ханъ-Мехтудипскій, со вновь набранною аварскою милиціею, въ которой было безчисленное множество разноцвѣтныхъ запячьевъ.

Вечеромъ отдано приказаніе выступать.

Воскресенье, 2-го августа.

Утромъ было очень холодно, а мы были назначены въ аріергардъ, и потому стояли безъ палатокъ, въ грязи и подъ дождемъ, до тѣхъ поръ пока не пришли два баталіона и всѣ выюки. Тогда и мы тронулись.

Стоялъ густой и сырой туманъ; но подпавшійся холодный вѣтеръ разогналъ его и пошелъ легкій, густой дождь. Мы шли по довольно хорошей дорогѣ. Часовъ въ девять или десять дня, небо прояснилось, пересталъ дождь и, къ неописанной нашей радости, увидѣли мы, что авангардъ остановился и разбиваетъ палатки.

На этой позиціи мы тоже остановились. Противъ нашихъ палатокъ возвышалась огромная гора, съ отвѣсными краями, называемая жителями Гуни-дагъ, или Гунибъ-гора.

На этой-то горѣ скрылся Шамиль со своими приверженцами. Кругомъ подошвы горы разбросано множество небольшихъ хуторовъ, которые всѣ вмѣстѣ составляютъ Куэдинское общество, т. е. подгородныхъ жителей.

Понедѣльникъ, 3-го августа.

Пропулся я довольно поздно. Данщикъ доложилъ мнѣ, что рота ушла съ разсвѣтомъ на пикетъ, по что ротный командиръ не приказалъ будить меня, чтобы я хорошенько отдохнулъ послѣ вчерашней фуражировки.

День былъ великолѣпный; воздухъ свѣжій, чистый, на которомъ такъ свободно дышется и не хочется заходить въ палатку. Я взялъ свой альбомъ и срисовалъ Гунибъ-дагъ, про который говорилось те-

перь много и предполагалось, что штурмъ его обойдется для насъ такъ же дешево, какъ штурмъ Ахульго въ 1839 году.

Послѣ обѣда солдатики зашумѣли около своихъ палатокъ и слышались различныя предположенія, заставившія меня проснуться и выйти изъ своей палатки. Я увидѣлъ множество горцевъ, и пѣшихъ, и конныхъ, толпившихся около палатки генералъ-маіора Ракусы. Нѣкоторые изъ солдатъ, бѣгавшіе къ этой толпѣ, говорили, что татары привели плѣнныхъ и бѣглыхъ солдатъ, а другіе болтали, что они привезли отбитое у Шамиля имущество.

Я хотѣлъ—было идти въ ту сторону, но увидя, что толпа расходится и часть ея приближается къ намъ, сталъ ждать развязки.

Къ намъ привели двадцать пять бѣглыхъ и плѣнныхъ солдатъ, приказали разобрать ихъ поротно и, впредь до особаго повелѣнія, кормить тѣмъ же, чѣмъ продовольствуется рота. Въ нашу роту назначено было пять человѣкъ мужчинъ и одна женщина. Всѣ они были одѣты въ азійскіе костюмы, съ бритыми головами, съ отщепенными бородами, и ничѣмъ не отличались отъ туземныхъ жителей.

Я подозвалъ одного изъ нихъ къ себѣ, обласкавъ его, напоивъ чаемъ и узнавъ отъ него слѣдующее:

«Насъ много въ горахъ, и бѣглыхъ, и плѣнныхъ. Большая часть нашей братии женаты на татаркахъ, имѣетъ дѣтей и хозяйство, и насъ ничѣмъ не отличали отъ коренныхъ жителей ауловъ. Многіе для виду припаяли даже мусульманскую вѣру, и такихъ еще лучше любили старшины и набы. Намъ тамъ было очень хорошо. Но крещеному человѣку не жизнь между татарскими сбродомъ. Все тянуло къ своимъ, выйти же отъ нихъ не было никакой возможности, а пуще всего насъ пугали гауптвахта, судъ и ссылка за побѣгъ.

«Вотъ недавно отданъ по всѣмъ ауламъ приказъ генерала, чтобы всѣ бѣглые и плѣнные выходили изъ горъ, что имъ Государь все прощаетъ. Обрадовалась паша братья и нѣкоторые поторопились: побросали и женъ, и все добро, и пошли въ лагерь; по бѣднѣжкѣ татары переловили на дорогѣ и всѣхъ отправили на тотъ свѣтъ, забравъ себѣ все ихъ добро.

«Узнавъ это, мы присмирѣли и бросили—было свою думку задумевную; но старшина нашъ, желая прислужиться генералу, собралъ, безъ нашего спроса, всѣхъ насъ, съ нашими женами и всѣмъ добромъ, которое мы могли взять съ собою, и привелъ сегодня къ генералу. Теперь, слава Богу, мы спокойны, что будемъ живы, пока Господь Богъ терпитъ грѣхамъ нашимъ; тамъ же, у этихъ нехристей, всякъ часъ падѣйся быть убитымъ.

«Теперь здѣшніе татары стали такіе продувные, что и самого Шамиля по болтятся. Вотъ намеднишь, кажись числа 30-го или 31-го іюля, онъ, т. е. Шамиль, проѣзжалъ чрезъ нашъ аулъ на эту гору Гунибъ-дагъ, со всѣмъ своимъ семействомъ. Жители про то узнали и засѣли въ лѣсу близъ дороги. Вотъ какъ проѣхалъ Шамиль со всѣмъ своимъ семействомъ и конвоемъ, то они и бросились на его казну, что ѣхала позади, и какъ есть разграбили все до-чиста. Лошадей отняли болѣе тридцати; однихъ мѣшковъ съ золотомъ и серебромъ забрали болѣе восьми. Все промежъ собою раздѣлили, и одинъ только мѣшокъ и чемоданъ съ бумагами притащили вмѣстѣ съ нами къ генералу. Но онъ, говорятъ, не припаялъ этой казны, а отослалъ къ Кибитъ-Магомѣ.

«Съ Шамплемъ проѣхало на гору не болѣе 300 или 400 чело-вѣкъ мюридовъ; въ числѣ ихъ было нѣсколько бѣглыхъ солдатъ. Про гору эту говорятъ жители, что она неприступна со всѣхъ сторонъ, что только и есть одна дорожка съ противоположной отъ насъ стороны; однако ее сильно укрѣпили каменными стѣпками въ нѣсколько рядовъ и поставили противъ этой дорожки большое чугунное орудіе. Всѣ же другія орудія, которыми владѣлъ Шамиль, сложены въ аулѣ Ипхѣ, неподалеку отъ Хупзака».

Вотъ что разсказалъ мнѣ плѣнный казакъ терскаго казачьяго войска. Онъ сообщилъ также, что его взяли въ плѣнъ въ садахъ на Терекѣ, что онъ въ плѣну уже лѣтъ шесть, и что у него дома, на Терекѣ, ждетъ не дождется жена молодая; что она нѣсколько разъ присылала ему записки, и что ежели теперь отпустить его безъ слѣдствія, то онъ, какъ стрѣла, полетитъ на Терекъ, въ родную станицу.

Между плѣнными былъ стройный мужчина, съ огромною бородою, но съ болѣзненнымъ лицомъ: это урядникъ того же Терскаго Войска, взятый въ плѣнъ въ какомъ-то дѣлѣ, гдѣ онъ, упавъ съ лошади и изнемогая отъ рапъ, оставленъ былъ своими, незамѣченнымъ, въ густыхъ кустахъ.

Всѣ плѣнные были одѣты очень бѣдно, и походили на толпу нищихъ. Наши солдаты принимали ихъ радушно и долго продолжались распросы и угощенья.

Четвергъ, 6-го августа.

Сегодня праздникъ—«Преображеніе Господне»; по мы вспомнили о немъ только вечеромъ, потому что до того времени некогда было намъ думать о праздникахъ. Нашему брату тогда только праздникъ,

когда ничего не дѣлаешь, а мы сегодня ходили на фуражировку и устали порядкомъ.

Послѣ рапнаго обѣда, насъ вызвали всѣхъ на липейку, для встрѣчи командующаго войсками, генералъ-адъютанта барона Врангеля. Онъ пріѣхалъ съ кавалеріею и, поздоровавшись съ нами, благодарилъ отъ имени главнокомандующаго за молодецкую службу.

Въ числѣ свиты, сопровождавшей барона Врангеля, былъ нашъ добрый командиръ, полковникъ Р*; на груди его я замѣтилъ георгіевскій крестъ съ паскоро-привязанною лентою. Эготъ крестъ баронъ привезъ отъ главнокомандующаго, и когда полковникъ вышелъ къ нему навстрѣчу, то онъ прицѣпилъ ему къ груди собственноручно.

Вечеромъ пришли два баталіона Апшеронскаго полка и расположились неподалеку насъ, только по другую сторону дороги. Дождь мочилъ ихъ въ дорогѣ часа четыре, и они, промокнувъ, сидѣли теперь на грязи и ждали прихода выюковъ съ палатками.

Теперь, какъ вспомнишь бывшее время, то удивляешься, какъ все сходило благополучно; даже больныхъ въ отрядѣ почти не было. Тогда, въ молодости, все легко переносилось; но эти невзгоды отзываются теперь, и подъ-часъ, въ дурную погоду, чувствуешь какъ мурашки пробѣгаютъ по кожнымъ, а другой разъ и руки не разогнешь отъ ревматизма... Тогда же совѣстно было, да и некогда разсуждать о послѣдствіяхъ.

Суббота, 8-го августа.

Вчера ходили осматривать окрестности Гунибъ-дага. Сегодня же, часу въ четвертомъ послѣ обѣда, пришли къ намъ баталіоны гренадерской дивизіи и расположились лагеремъ около 2-го баталіона Дагестанскаго полка. Они прибыли изъ лезгинскаго отряда. Всѣ говорили, что скоро самъ главнокомандующій пріѣдетъ къ намъ.

За гренадерами пришелъ и эшачій транспортъ, подъ командою моего товарища по ротѣ, прапорщика Р. В*. Эшаконъ было безчисленное множество, и я удивлялся, какъ это небольшое животное, на спинѣ своей, можетъ нести два холщевыхъ мѣшка, въ которыхъ помѣщается шесть пудовъ сухарей.

Я сегодня дежурнымъ по баталіону и отъ начальства узналъ, что бѣглыхъ и плѣнныхъ собрано въ отрядѣ болѣе 200 человекъ, и что ихъ на дняхъ отправляютъ въ укрѣпленіе Томиръ-Ханъ-Шуру. Говорили также, что приказано привезти оттуда для роты пужные продукты, потому что мы обложимъ гору Гунибъ-дагъ со всѣхъ сто-

ропъ, будемъ стоять до тѣхъ поръ, пока Шамиль не сдастся или пока не возьмемъ гору штурмомъ. Нѣкоторые говорили, что уже главнокомандующій сдѣлалъ распоряженіе о заготовленіи для войскъ калмыцкихъ кибитокъ, потому что, на этихъ высотахъ, въ палаткахъ нѣтъ возможности жить въ осеннее, а тѣмъ болѣе въ зимнее время.

Воскресенье, 9-го августа.

Въ три часа пополудни, нашъ сводно-стрѣлковый и 2-й батальонъ Дагестанскаго полка, подъ командою полковаго командира, выступили изъ лагеря. Подойдя ближе къ горѣ Гунибъ-дагъ, мы повернули лѣво, спустились въ огромный оврагъ, прошли его и расположились лагеремъ въ виду Гунибъ-дага.

Жители встрѣчали насъ очень радушно. Выносили офицерамъ фрукты, выхваляли насъ и ругали Шамиля—какъ выражаются наши армяне—самыми кислыми словами.

По дорогѣ, близъ ауловъ, росло очень много орѣховъ и айвы. Первые отличались колосальными размѣрами и множествомъ еще не спѣлыхъ плодовъ; айва, съ широкими темнозелеными какъ-бы павосечеными листьями, была обременена фруктами оранжеваго цвѣта, вѣсъ которыхъ доходилъ отъ 1½ до 2½ фунтовъ.

Площадка, на которой мы расположились лагеремъ, была такъ мала и такъ завалена камнями, что не было мѣста, гдѣ разбить офицерскія палатки, и изъ-за мѣста этого даже вышла ссора между командирами 4-й и 5-й ротъ.

Горцы стали-было насъ беспокоить выстрѣлами, по высланный на гору унтеръ-офицерскій пикетъ заставилъ ихъ замолчать.

Понедѣльникъ, 10-го августа.

Въ шесть часовъ утра, 4-я и 5-я стрѣлковыя роты Дагестанскаго полка выступили изъ лагеря для рекогносцировки окрестностей Гунибъ-дага. Пройдя не болѣе полверсты, мы стали спускаться въ глубокий оврагъ. Тропинка, ведущая на дно оврага, пролежала по такому крутому берегу и была такъ узка, что съ трудомъ можно было утвердить на пей ногу. Подъемъ съ оврага былъ еще хуже. Мы чрезвычайно растянулись и, собравшись около пикета на горѣ, ожидали пріѣзда командира полка.

Пикетъ, около котораго мы расположились отдыхать, состоялъ изъ десяти человекъ милиціонеровъ. Онъ былъ расположенъ на вершинѣ камня, высота котораго была около четырехъ аршинъ и аршина 4½ въ діаметрѣ.

Когда прѣхалъ полковникъ, то 4-я рота оставлена была около камня, а наша пошла, параллельно къ горѣ, на сѣверъ. По насъ открыли стрѣльбу съ горы; но, видя что пули не причиняютъ намъ вреда, стали бросать съ горы довольно большіе камни, которые падали съ страшнымъ шумомъ, разбиваясь въ дребезги. Однако и дребезги не достигали насъ.

Эта неудача такъ огорчила защитниковъ Шампиля, что нѣсколько смѣльчаковъ отважились спуститься на одну терасу ниже и съ ней открыли по насъ стрѣльбу. Пули ихъ теперь стали то перепосыть, то не доносить, а потому полковой командиръ приказалъ пяти лучшимъ стрѣлкамъ прогнать горцевъ. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ выстрѣловъ, мюриды замолчали и попрятались въ скалы.

Выйдя на площадку, насъ укрыли за камнями, и полковникъ Радецій, съ милиціонерами, подъ грѣдомъ пуль поѣхалъ осматривать мѣстность. Одни говорили, что выбираютъ позицію для нашего лагеря, а другіе, что осматриваютъ гору, съ которой стороны удобнѣе будетъ на нее взобраться. Мы не видѣли ни одной тропинки; вездѣ были одиѣ отвѣсныя скалы.

Бывшіе при насъ милиціонеры разговаривали съ мюридами, находившимися на горѣ. Зѣбавно было слушать ихъ разговоръ чрезъ такое огромное пространство. Прежде переговоровъ, изъ всей силы кричать протяжно «о! о! о! ма! го! ма!» По этому сигналу на горѣ мюриды утихаютъ и прислушиваются, а милиціонеръ кричитъ во все горло, плавно и раздѣляя каждое слово на нѣсколько складовъ. Когда нашъ кончить кричать, то ему съ горы отвѣчаютъ такимъ же образомъ.

Сущность разговора была слѣдующая. Нашъ милиціонеръ говорилъ имъ, чтобы они образумились и сдались сами, потому что русскихъ такъ много, что ихъ гору разберутъ по кускамъ, и тогда мюридачь будетъ плохо; а они отвѣчали, что ежели еще сго такихъ отрядовъ прядеть, то и тѣ не возьмутъ Гунибъ, или, какъ его называли мѣстные жители, Гупи, потому что на эту гору ведетъ одна тропа, противъ которой ежели поставить бабу съ ружьемъ, то и она не пуститъ никого, и что противъ той тропы не бабы стоятъ, а три камешныя стѣны, охраняемыя самыми отчаянными джигитами-мюридами: значить нѣтъ влѣзть туда и не думай.

На горѣ, вѣроятно, были и бѣглые солдаты, потому что иногда очень ясно по-русски кричали намъ: «зачѣмъ вы пришли сюда? мѣста вамъ мало что-ли?» Конечно, эти вопросы пересыпаны были самыми краснорѣчивыми словами.

Когда возвращались, одного стрѣлка коптузили въ лѣвый бокъ. Пуля щелкнула о ребро такъ отчетливо, что мы всё услышали звукъ, а стрѣлокъ только ухватился за бокъ. Съ него сняли патронташъ и ружье, но онъ самъ дошелъ до лагеря.

Вторникъ, 11-го августа.

Въ два часа пополудни, нашъ сводно-стрѣлковый баталіонъ отдѣлился отъ 2-го баталіона и пошелъ на ту позицію, которую вчера выбралъ командиръ полка.

Впередъ послали съ шанцевымъ инструментомъ первую роту расчищать тропинку, потому что вчера мы ходили безъ выюковъ, да и то еле-еле могли пробраться, а сегодня, идя со всёми тяжестями, растеряли бы если не всё, то, по крайней мѣрѣ, половину ихъ.

На этой позиціи предполагалось стоять до тѣхъ поръ, пока Шамилъ не сдастся, или пока не прикажутъ идти на штурмъ. Поэтому мы устроивались получше. Офицеры приказали своимъ денщикамъ сложить койки изъ дерна и на нихъ расположились спать. Въ палаткахъ, вмѣсто толумбаса, красовались дерновые столики, на которыхъ торчалъ подсвѣчникъ, лежали разбитое зеркало и гребешокъ; на немъ же примачивали самоваръ и подавали обѣдъ и ужинъ.

Дни у насъ стоятъ отличные. Воздухъ чистый и прохладный; почти же прехолодный, такъ что спать подъ шубою какъ разъ впору. Мѣсто для лагеря выбрано отличное. Луговая площадка раздѣлена небольшимъ оврагомъ; по обѣ стороны его стоятъ нашъ баталіонъ. На этой площадкѣ были такіе камни, что громадною своею напомнимали давно невидѣнные русскіе двухъ-этажные дома. Бока кампей были ровные, словно великаны трудились надъ ихъ отдѣлкою; вершины же поросли травою, а на одномъ росла даже дикая слива.

До разбивки лагеря выслали на возвышенное мѣсто пикетъ. По немъ мюриды открыли огонь, но наши нарѣзные ружья скоро заставили ихъ замолчать.

Палатка моя разбита была задомъ къ Гунибъ-дагу и дверями противъ огромной Чемодашъ-горы, или Тилитъ-тоу. У подошвы ея возвышались второстепенныя горы; отъ нихъ тянулись поля, засѣянные хлѣбами.

19-го августа, среда.

17-го августа пришелъ къ намъ 18-й стрѣлковый баталіонъ и, перепочевавъ, двинулся дальше и расположился лагеремъ за хребтомъ, сѣвернѣе насъ, тоже у подошвы Гунибъ-дага.

Сегодня утромъ получено приказаніе, чтобы по жителямъ Гуниба не стрѣлять, потому что заключено перемиріе.

21-го августа, пятница.

Вчера былъ въ секретѣ. Ночь была отличная, ясная, и мы пролежали благополучно. Вѣроятно, вслѣдствіе перемирія, мюриды не бросали съ горъ камней, но окликали другъ друга довольно часто. Сегодня утромъ возвратился къ нашему баталіону полковой командиръ.

Служба у насъ идетъ однообразная. Прапорщики и подпоручики ходятъ поочередн въ секретъ, а ротные командиры дежурятъ по баталіону и ходятъ съ командами за фуражомъ и за дровами. Кутежи съ пѣсенниками выходили уже изъ моды и всѣ жили очень расчетливо.

По утрамъ мы собираемся въ одно мѣсто, на середину баталіона, и слушаемъ различныя предположенія старыхъ офицеровъ, относительно штурма Гуниба. Капитанъ К^о послалъ даже въ штабъ свое предложеніе, приложивъ, вмѣсто плана, снятый мною видъ Гуниба. Другой, капитанъ И^о, человѣкъ рѣшительный, извѣстный всѣмъ своею храбростію, былъ немного похладнокровнѣе и не такъ смѣло грозилъ Шамилю, и хотя въ былое время всюду напрашивался въ охотники, но теперь, смотря на отвѣсныя скалы, только качалъ головою и приговаривалъ: «наврядъ-ли возьмемъ съ этой стороны, что-то невиднo туда дороги». Но К^о горячился, доказывалъ, что возможно, что ему-бы только разрѣшили и онъ со своею ротою возьметъ; что только надо выждать густаго да сухаго тумана, и, прикрытый имъ, онъ печалино выйдетъ на гору.

Эти разговоры обыкновенно прерывались капитаномъ М^о, который, выйдя изъ своей палатки и расправляя черныя длинныя бакенбарды, приговаривалъ: «а что, господа, пока еще не взяли Шамиля, не съиграемъ-ли пульку», и капитаны садились за зеленый столъ; за ними отправлялись прапорщики и рѣзались въ преферансъ гдѣ либо на полу, на коврѣ. При этомъ у насъ бывали такіе случаи, что и козырныхъ тузовъ били, и играющій часто оставался безъ всѣхъ, и только послѣ игры соображалъ, что у него козырный тузъ не взялъ.

24-го августа, понедѣльникъ.

Сегодня митингъ нашъ среди лагеря былъ прерванъ, часу въ десятомъ, пріѣздомъ командира полка. Его вторично требовали въ главный лагерь, гдѣ онъ и пробылъ съ 22-го числа.

Отъ должностныхъ узнали мы, что ширванцы заняли тѣ сады, что находится отъ насъ на противоположной сторонѣ горы, и что они подвигаются къ заваламъ.

Вторникъ, 25-го августа.

Утромъ, по обыкновенію, вышли мы смотрѣть что дѣлается на горѣ. Нѣкоторые смотрѣли въ подзорную трубу, но ничего особеннаго не замѣтили. Все обстояло благополучно.

Часу въ десятомъ я возвращался въ свою палатку и, проходя мимо палатки полковаго командира замѣтилъ, что около нея собрались переводчики и должностные и всѣ внимательно смотрятъ на гору. Я тоже присоединился къ нимъ, и мы замѣтили, что какъ будто-бы солдаты шли по терасѣ. Послѣ этого раздался сигналъ горниста «лѣвому флангу наступленіе», а немного спустя прибѣжалъ заняхавшись солдатъ съ пикета, и отъ усталости еле-еле могъ говорить, что такой-то офицеръ кричитъ, что бы мы шли къ нимъ на помощь на гору.

Услышавши это, командиръ полка приказалъ играть «къ столу и бѣгомъ»; наши молодцы живо разобрали обѣдъ и въ нѣсколько минутъ уже строились на линейкахъ.

Меня полковой командиръ послалъ передать приказаніе командиру 1-й роты, чтобы онъ назначилъ 20 человекъ съ шапцевымъ пиструментомъ, и чтобы люди эти тотчасъ взбирались на гору.

За нами потянулась 5-я стрѣлковая рота, а за нею 1-я стрѣлковая, 4-я стрѣлковая и 1 и 17-я нумерныя роты. Командиръ полка, баталіонный командиръ и нѣсколько опытныхъ ротныхъ командировъ, поѣхали по обходной тропѣ верхомъ; остальные офицеры шли при своихъ ротахъ.

Выбравшись на площадку, гдѣ ночью лежалъ секретъ, а днемъ находился пикетъ, начальство къ намъ присоединилось и, оставивъ лошадей, пошли съ нами пѣшкомъ.

Много бодрости придавала намъ двойная опасность: первая и главная—это сбрасываемые съ терасъ идущими надъ нами солдатами камни; они были довольно большіе и падали прямо къ подошвѣ горы, и осколками уже успѣли ранить двоихъ или трехъ солдатъ; вторая хотя не такъ грозная, потому что отъ нея можно защититься—это горцы, рыскавшіе у подошвы горы; между ними было нѣсколько женщинъ, которыя страшно рыдали, рвали на себѣ волосы и, ругая насъ, бѣжали назадъ и впередъ, какъ будто ихъ кто гонялъ. Впоследствии я узналъ, что это жены и сестры тѣхъ мюридовъ, кото-

рые находились при Шамиль на Гунибѣ; видя, что мы идемъ безъ всякаго сопротивленія на гору, онѣ полагали, что всѣ близкіе ихъ сердцу уже не существуютъ на этомъ свѣтѣ.

Тропинка на первой терасѣ была еще сносная, хотя и очень узкая; но когда мы вошли на вторую терасу и повернули направо, то она до того стѣзилась, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трудно было утвердить на ней ногу. Кромѣ того, по ней какъ-бы насыпано было множество круглаго щебня, по которому скользила нога. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ приходилось перепрыгивать черезъ овраги довольно широкіе, а какъ взглянешь внизъ и увидишь бездонную пропасть, то, несмотря на крѣпость нервъ, въ глазахъ мутить и голова идетъ кругомъ.

Прывая черезъ одинъ изъ такихъ овраговъ, я чуть не оборвался внизъ. За мною бѣжала собаченка поручика А*, и когда я, перепрыгнувъ на другой край оврага, только что сталъ укрѣпляться на немъ, она прыгнула мнѣ между ногъ, и я отшатнулся назадъ. На счастье мое, прыгнувшій передо мною солдатъ придержалъ меня за рукавъ сюртука и избавилъ отъ кощечной гибели.

По тропинкѣ было три завала, которые разорили, сколько могли, рабочіе 1-й роты; но оставшіеся слѣды доказывали, что они были такой ширины, что заслоняли собою всю тропу.

Наконецъ вошли мы какъ-бы въ щель самой горы, и очутились на ровной площадкѣ. Прямо передъ нами тянулось широкое ущелье съ небольшими хуторами, а правѣе возвышались каменистыя горы.

Роты выстроились и пошли, съ командиромъ полка, къ самому аулу Гунибу, въ которомъ, говорили, заперся Шамиль, а нашу 5-ю стрѣлковую роту оставили при спускѣ на тропу, по которой мы поднимались, и приказали никою не пропускать безъ записки ни туда, ни обратно.

Всѣ мы крѣпко устали и легли отдыхать. Мусульманскіе всадники, съ арканами, скакали по разнымъ направленіямъ и ловили лошадей. Лошадей этихъ они продавали офицерамъ отъ 5 до 10 рублей. Я хотѣлъ купить, но товарищи отсовѣтывали, говоря, что ихъ прикажутъ возвратять жителямъ и только пропадутъ даромъ деньги.

Я, со взводомъ, стоялъ отдѣльно отъ ротнаго командира; при мнѣ было нѣсколько мусульманскихъ всадниковъ. Я разговаривалъ съ ними и любовался, съ какою ловкостью ихъ товарищи ловили лошадей. Вдругъ одинъ изъ нихъ вскочилъ, выхватилъ проворно изъ чухла винтовку, отбѣжалъ нѣсколько шаговъ вправо и приложившись выстрѣлилъ. Изъ пещеры раздался тоже выстрѣлъ,

пуля просвистала мимо насъ, но никого не ранила. Всадникъ подбѣжалъ еще ближе къ пещерѣ, выстрѣлилъ изъ пистолета и, вытащивъ трупъ мюрида, обобралъ платье и оружіе, и какъ будто исполнивъ службу, возвратился ко мнѣ и продолжалъ начатый разговоръ.

Спустя не болѣе часа или полутора часа по нашемъ приходѣ на гору, прискакалъ всадникъ съ запискою, въ которой сказано было: «оставить небольшой постъ съ унтеръ-офицеромъ при спускѣ, а съ ротою идти къ баталіону, стоящему у стѣны аула Гуниба».

Мы очень обрадовались этому приказанію; рота въ одну минуту была собрана и тянулась, по указанію того-же всадника, по ущелью. Дорогою онъ сообщалъ намъ, что Шампль не хочетъ сдаваться, и что скоро пойдемъ на штурмъ аула.

Я думалъ, что гора Гунибъ-дагъ не болѣе 4 или 5 квадратныхъ верстъ, но ошибся жестоко. Шли мы ущельемъ очень долго, спустились съ балки, взлѣзали на гору, шли косогоромъ, а все не было видно аула.

Наконецъ, войдя на небольшой холмъ, мы увидѣли небольшой, но массивный аулъ. Кругомъ его были расположены войска гренадерской и 21-й пѣхотной дивизіи; кромѣ ихъ были еще линейный баталіонъ и 18-й стрѣлковый баталіонъ. Артиллерія расположилась на позиціи въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Мусульманскій постъ находился блисъ дороги изъ аула къ Кара-Койсу.

По правую и лѣвую сторону этой дороги видѣлся березовый лѣсъ, въ которомъ, говорили, была жаркая схватка мюридовъ съ ширванцами. Когда мы присоединились къ баталіону, то мюриды уже не стрѣляли по насъ, и мы подошли къ аулу очень близко. Ясно можно было видѣть лица звѣроподобныхъ мюридовъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ, въ бѣлыхъ папахъ и черкесахъ. Они прохаживались взадъ и впередъ по кривымъ улицамъ аула и поглядывали на насъ очень недружелюбно.

Въ самомъ аулѣ шли переговоры. Въ ожиданіи конца ихъ, мы стояли въ баталіонныхъ колонахъ, вызвали впередъ пѣсенниковъ, и поднялся въ отрядѣ страшный шумъ.

Отъ печего-дѣлать, нѣсколько офицеровъ отдѣлились впередъ и, взойдя на крышу крайней сакли, разсматривали что происходитъ внутри аула. На улицахъ, кромѣ разгуливающихъ вооруженныхъ мюридовъ, никого не было видно; жепщины и дѣти заперлись въ сакляхъ и, вѣроятно, ожидали смерти. Недолго мы разсматривали: за нами послало начальство и, сдѣлавъ выговоръ, общало арестовать за отлучку отъ своей части.

Вскорѣ пріѣхалъ адъютантъ отъ главнокомандующаго и передалъ полковому командиру слѣдующее: «Если переговоры полковника Лазарева не увѣнчаются успѣхомъ, то аулъ начать бомбардировать. По четвертому выстрѣлу войска должны, съ крикомъ ура броситься на аулъ и стараться взять Шамиля живымъ. Тому, кто возьметъ Шамиля, назначена награда въ 10,000 руб. сер.» Сакля, въ которой жилъ Шамиль, была намъ указана тѣмъ-же адъютантомъ; она была выше всѣхъ, и, кажется, что это была не сакля, а главная мечеть.

Но вотъ и солнце начало клониться къ западу, а мы все стоимъ подъ ауломъ и поемъ пѣсни... Составились кружки, пошли толки о штурмѣ; у всякаго было желаніе поймать Шамиля и, вмѣстѣ съ отлѣченіемъ, получить въ придачу такой капиталъ.

На противоположномъ отъ насъ концѣ аула, что-то засуетилось... Пѣсенники сами-собою уюлики и водворилась грозная тишина. Всѣ смотрѣли на тотъ конецъ аула. Наконецъ увидѣли полковника Лазарева, извѣстнаго всѣмъ своею колосальною фигурою, выходящаго изъ аула съ горцами... Намъ сказали, что это вышелъ Шамиль со своими приближенными.

Сдѣлавъ отъ аула нѣсколько десятковъ шаговъ, онъ остановился; мы думали, что не струсилъ ли онъ и не хочетъ ли дать тягу, и всѣ смотрѣли на него со вниманіемъ. Но вотъ скомандовали намъ «кругомъ и шагомъ маршъ!» Что за диво! еще Шамиль не въ нашихъ рукахъ, а мы уже идемъ назадъ!... Но насъ сейчасъ же остановили. Эта команда произошла вотъ по какому случаю. Шамиль, выйдя изъ аула, увидѣлъ по правую сторону дороги весь мусульманскій полкъ, въ которомъ служили самые закоренѣлые его враги. Не зная нашей дисциплины и боясь со стороны мусульманъ какого-либо скандала, онъ остановился и просилъ отослать ихъ подальше отъ дороги. Мусульманскому полку скомандовали «кругомъ»; баталіонные командиры, полагая, что это и до нихъ касается, тоже одинъ за другимъ стали командовать кругомъ: команда дошла и до насъ.

Когда же Шамиль отошелъ отъ аула на такое разстояніе, что уйти обратно не было возможности, весь отрядъ грянулъ «ура», немолдавшее нѣсколько минутъ. «Ура» безъ приказанія и отъ чистаго сердца!... Поздравленіе и радость были у всѣхъ на языкѣ и на глазахъ.

Я отирсился у баталіоннаго командира посмотреть на выходившихъ изъ аула миридовъ и на семейство Шамиля; но до моего прихода семейство его уже удалилось, и только жители выходили изъ аула. Горцы позажиточнѣе вывозили имущество на арбахъ, а побѣд-

иѣ навьючивали ословъ и женъ, и на нихъ выносили свои пожитки изъ аула.

Къ вечеру всѣ войска разошлись по своимъ мѣстамъ; только храбрые апшеронцы и дагестанцы оставались на Гунибѣ. Апшеронцы были въ караулѣ у сакли Шамиля, а дагестанцы оцѣпили аулъ и никого туда не пускали.

Четвергъ, 27-го августа 1859 года.

Вчера былъ отданъ приказъ по кавказской арміи слѣдующаго содержания:

«№ 288-й, 26-го августа. Лагерь на Кегерскихъ высотахъ.

«Шамиль взятъ, поздравляю кавказскую армію.

Главнѣйшій, генералъ-адъютантъ князь Барятинскій».

Стрѣлокъ Н. Н.
